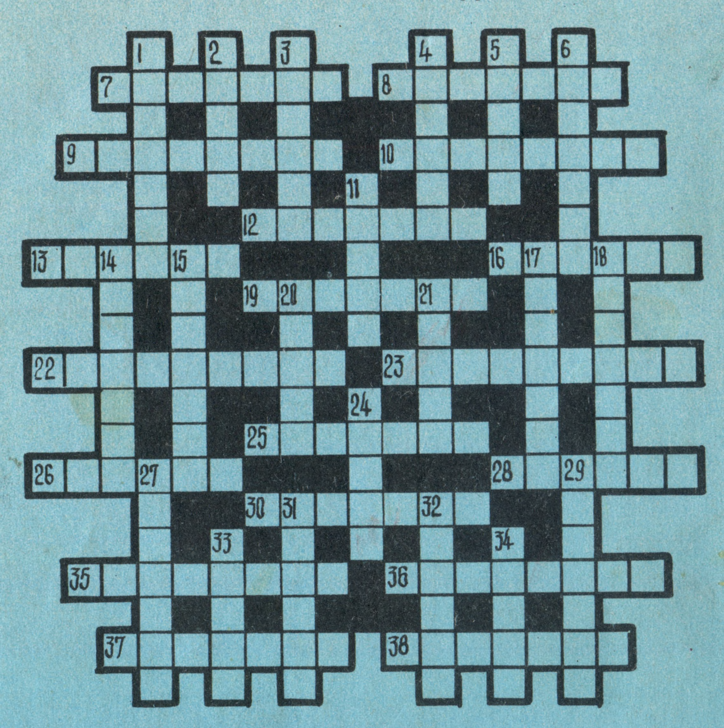
Цена 15 коп. 23-1-14 Индекс 73755

КРОССВОРД

П о г о р и з о н т а л и. 7. Мужской голос среднего регистра. **8.** Хищник семейства соколиных. **9.** Самый верхний парус. **10.** Художник-передвижник. **12.** Исполнительница ролей в театре и кино. **13.** Древесная лягушка. **16.** Вилайет в Турции. **19.** Художник, автор цикла «Люди колхозной деревни». **22.** Единица измерения мощности ядерного взрыва. **23.** Птица-рыболов отряда ракшеобразных. **25.** Отверждённый жир, получаемый из растительных масел и жиров морских животных и рыб. **26.** Русский писатель XIX века. **28.** Струнный щипковый музыкальный инструмент. **30.** Художественное общество в Москве в 1920—1930-е годы. **35.** Отрывок, часть произведения. **36.** Стихотворение, в котором начальные буквы строк составляют какое-либо слово. **37.** Северный ветер. **38.** Одна из половинок дверей.

П о в е р т и к а л и. 1. Часть суммы, уплачиваемая вперед. 2. Столица союзной республики. **3.** Прокладочный, тепло- и звукоизоляционный материал. **4.** Воинское звание. **5.** Внешние очертания, наружный вид предмета. **6.** Летчица, инициатор создания женских боевых авиаполков. **11.** Приток Сырдарьи. **14.** Штат в Бразилии. **15.** Деталь спускового механизма огнестрельного оружия. **17.** Самый южный мыс материковой Европы. **18.** Рыба отряда сельдеобразных. **20.** Самка оленя. **21.** Маслина. **24.** Грызун. **27.** Птица семейства утиных. **29.** Линия поведения. **31.** Глубокая речная долина с очень крутыми склонами. **32.** Фехтовальщик, чемпион XVIII и XIX Олимпиад. **33.** Архитектурный стиль. **34.** Травянистое культурное растение семейства бобовых.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 923-67-65.

ISSN 0234—1824

ГОРИЗОНТ

1•89 Общественно-политический ежемесячник

Игорь Бестужев-Лада
МОСКВА ГЛАЗАМИ СОЦИОЛОГА

ХОЗРАСЧЕТ ЗА ЧУЖОЙ СЧЕТ?

«ПЕРЕСТАТЬ СЧИТАТЬ БЕДНОСТЬ ДОБРОДЕТЕЛЬЮ...»
Письмо тульского крестьянина Сталину

А. Ястребов
НЕВЗЯТАЯ ВЕРШИНА

СВИДЕТЕЛЬ
ВОСПОМИНАНИЯ О ЕВГЕНИИ ГИНЗБУРГ

«МЫ ДОЛЖНЫ ЗАНИМАТЬСЯ ДЕЛОМ, А НЕ РЕЗОЛЮЦИЯМИ... ЭТО САМАЯ ДЛЯ НАС ИНТЕРЕСНАЯ ПОЛИТИКА...» —

так определял В. И. Ленин характер собраний, съездов, конференций в Коммунистической партии. Не будем лукавить, прежде мы не часто вдумывались в эти слова; победные реляции и призывы оттесняли на наших собраниях, больших и малых, разговор о деле, так что порой и забывалось, ради чего они, эти призывы, произносились, а собрания — устраивались.

Утверждать, что сегодня все и везде изменилось, наверное, рано. Но изменилось многое. Перестройка вернула словам их смысл, а оценкам — трезвость. Доказательство тому — нынешние отчеты и выборы, прошедшие более чем в 9800 первичных и 33 районных парторганизациях столицы; взыскательность, с какой коммунисты подошли к оценке своей работы; горячие дискуссии, которыми, как правило, сопровождались выборы партийных комитетов. Это был нелегкий экзамен. На политическую зрелость. На право возглавлять движение за перестройку.

Впереди — XXVII городская партийная конференция. Обстановка, в которой она готовится и будет проходить,— необычна. Недавно состоялась сессия Верховного Совета СССР, давшая дорогу в жизнь Законам об изменениях Конституции и о выборах народных депутатов.

С этого года все предприятия и организации столицы начали работать в условиях полного хозрасчета. Завершилась реорганизация структуры аппарата горкома и райкомов партии. Сделаны первые шаги в осуществлении крупномасштабной программы интенсификации социально-экономического развития Москвы «Прогресс-95»...

Всем памятна и XIX Всесоюзная конференция КПСС, давшая пример открытости в постановке и обсуждении самых жизненно важных проблем, пример коллективного творческого поиска и результативности.

Все это не может не повлиять на атмосферу предстоящей конференции 1146-тысячного отряда московских коммунистов, на настрой ее делегатов, на уровень разговора.

И чем серьезней и взыскательней, заинтересованней и ответственней будет этот разговор, тем крепче он свяжется с той «самой для нас интересной политикой» — делом.

1 (458) •89 | ГОРИЗОНТ

Общественно-политический ежемесячник

Рукописи объемом до одного авторского листа не возвращаются и не рецензируются.

Сдано в набор 29.11.88. Подписано к печати 23.12.88. Л53202. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 4,62. Уч.-изд. л. 5,71. Тираж 100 000 экз. Заказ 4273. Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г 0302030800—201 / М172(03)—89 Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

Игорь Бестужев-Лада

МОСКВА ГЛАЗАМИ СОЦИОЛОГА

Кто живет в столице

Есть в социологии такое понятие: объект исследования. Это то, что подвергается исследованию, изучению. Методисты рекомендуют заранее обращать сугубое внимание на уточнение параметров объекта, иначе не избежать недоразумений. В качестве иллюстрации подобной опасности нередко ссылаются именно на население Москвы. В самом деле, что же такое население Москвы?

Официально считается, что в 1985 году оно составляло 8,4 миллиона человек, а в 1988-м достигло 8,8 миллиона человек. В последующие 1989—1990 годы прирост ожидается не менее 70 тысяч, в 1991—2005 годы — 32—46 тысяч человек ежегодно.

Но, во-первых, сразу же следует уточнить, имеются ли здесь в виду города и поселки Московской области (Зеленоград, пос. Северный и др.), которые принято относить к районам Москвы, или нет. Разница немаловажна: она измеряется сотнями тысяч человек. Во-вторых, любая официальная цифра означает число «прописанных», а вовсе не реально живущих. Между тем известно, что некоторые из «прописанных» не бывают в Москве месяцами и годами. Одни находятся в длительных командировках, разъезжают по стране, другие работают за границей, а третьи постоянно проживают на зимних дачах, в деревне или в других городах, но сохраняют за собой квартиры в Москве. В то же время в Москве месяцами и годами обретается немало людей, отнюдь в ней не прописанных и далеко не всегда, мягко говоря, относящихся к разряду добропорядочных граждан. При этом обе величины вовсе не тождественны одна другой и с большим трудом поддаются точному количественному определению, ввиду понятной «деликатности» каждого случая.

Кроме того, ежедневно с утра в Москву приезжает и вечером уезжает свыше полумиллиона маятниковых мигрантов. Вопреки мнению одного из них, выраженному в сердитом письме на мое имя, в данном термине нет ничего оскорбительного. В социологии он обозначает людей, которые проживают недалеко от крупного города и ездят туда на работу, а в выходные дни часто за покупками и в целях развлечения. Формально они, конечно, не москвичи, а, скажем, мытищинцы. Но фактически, в качестве работников, потребителей, клиентов, посетителей, они не столько мытищинцы, сколько самые настоящие москвичи, с очень многими если не формальными правами, то, во всяком случае, реальными фактическими возможностями и особенностями жизни последних.

Наконец, следует учитывать так называемых гостей столицы, которые прибывают в Москву из других городов и сел страны, а также из других стран в качестве командированных либо туристов (не только отечественных и иностранных «организованных», но и доморощенных «диких»). Не секрет, что последние, самые многочисленные, выступают обычно не в качестве посетителей учреждений культуры или обозревателей достопримечательностей города, а в качестве покупателей столичных магазинов, вывозя более трети завезенного в Москву продовольствия и товаров широкого потребления, так что и они во многих отношениях ничем не отличаются от собственно москвичей. Мало того, их так же недопустимо считать посторонними в столице нашей Родины, как и маятниковых мигрантов, поскольку они едут в Москву и потребляют в ней наравне с москвичами разные материальные и культурные блага вовсе не по своему капризу, а в силу суровой необходимости общеизвестного сложившегося положения, к которому трудно относиться с восторгом.

Сколько их, гостей столицы? Смотря по сезону: зимой, весной и осенью бывает более 1 миллиона человек ежедневно, а в летние месяцы эта цифра доходит до 2 миллионов человек. В то время как гостиничное хозяйство столицы, карликовое по сравнению с другими крупными городами мира, рассчитано лишь на некоторые категории организованных туристов и часть командированных, то есть на относительно ничтожное число приезжих. Гораздо больше их ежедневным половодьем «заливает» квартиры страдальцев — своих родственников или знакомых. Множество вынуждено ночевать на лавках вокзалов и в других столь же «уютных» местах. А значительная часть, прибыв в Москву утром или в первой половине дня и проведя привычный рейд по магазинам (иногда еще посетив какую-либо достопримечательность или совершив экскурсию по городу), отправляется в тот же вечер обратно домой.

Картина напоминает мельтешение трех шариков в руках жонглера: сотни тысяч людей на протяжении дня высаживаются из прибывших на столичные вокзалы поездов, из самолетов в аэропортах, из автобусов на автовокзалах, из тысяч автомашин и устремляются в город, обрушиваются на магазины, рестораны, кафе, столовые, ателье, переполняют общественный транспорт. После каторжно трудного дня одна часть гостей столицы отправляется отдохнуть где придется, а другая, с трудом продираясь через такие же толпы новоприбывших, погружается в поезда, самолеты, автобусы, автомашины и отправляется в обратный путь. И так каждый день, без выходных.

В общем итоге можно констатировать одно: в городе ежедневно скапливается до 10—11 и более миллионов человек. И это, доложу я вам, такой сложный объект социологических исследований, что вряд ли можно найти еще хоть один, подобный ему.

Кто работает в Москве

По официальной статистике, в Советском Союзе 130 миллионов работающих (в среднегодовом исчислении) на 285 миллионов населения, то есть работает 46,5 процента, остальные — младенцы, дошкольники, учащиеся, включая студентов, домохозяйки и неработающие пенсионеры. По этой пропорции в Москве, с ее 8,8 миллиона прописанных, долж-

Бестужев-Лада Игорь Васильевич, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, заведующий сектором Института социологии АН СССР, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова.

но работать более 4 миллионов, а с маятниковыми мигрантами — около 5 миллионов человек. Обращаемся к последним (1988 г.) официальным данным, опубликованным в серии материалов «Московские экономические тетради», выпускаемой издательством «Московский рабочий»: около 1250 тысяч человек занято в промышленном производстве; свыше 900 тысяч — в науке и ее обслуживании; около 500 тысяч — на строительстве (в том числе 125 тысяч в проектных институтах); около 500 тысяч — в торговле, общественном питании, снабжении; около 450 тысяч — на транспорте и предприятиях связи; свыше 300 тысяч — в народном образовании (включая детсады и вузы); около 300 тысяч — в здравоохранении; свыше 250 тысяч — в жилищно-коммунальном хозяйстве; свыше 200 тысяч — в государственном аппарате; свыше 100 тысяч — в учреждениях и организациях, связанных с материальным производством; около 100 тысяч — в сфере культуры и искусства; свыше 50 тысяч человек — в информационных, кредитно-финансовых и т. п. учреждениях.

В данный перечень мы очень несправедливо, но по понятным, надеюсь, причинам не включаем военнослужащих, милицию и т. д. А вообще-то в Москве рабочих и служащих более 50 процентов всех жителей, что значительно превышает среднюю цифру по стране.

Этот перечень конечно же нуждается в уточнениях. Столько-то сот тысяч человек в промышленности или строительстве вовсе не означает такого же количества рабочих, точно так же, как столько-то сот тысяч в науке, просвещении и здравоохранении не означает такого же количества ученых, учителей, врачей. Общеизвестно, что у нас в стране на 130 миллионов работающих приходится свыше 43 миллионов служащих, в том числе около 18 миллионов управленцев и обслуживающего их персонала. По этой пропорции на почти 5 миллионов рабочих и служащих Москвы должно приходиться около 1700 тысяч служащих, включая более 700 тысяч управленцев и их обслуги.

Однако в Москве процентная доля служащих значительно выше, чем в среднем по стране, причем особенно много их в учреждениях или отделах управления и науки. Вот почему мы вряд ли намного ошибемся, если предположим, что две последние сферы охватывают около половины всех занятых, а вместе с проектными институтами, информационными, кредитно-финансовыми и другими подобными учреждениями — возможно, и более половины, примерно поровну в каждой из названных сфер.

Оставшаяся половина занятых приблизительно тоже делится на две «четвертинки»: занятые в сфере материального производства (промышленность, строительство и связанные с ними организации) и занятые в сфере обслуживания (в широком смысле, то есть не только торговля, общественное питание, снабжение, жилищно-коммунальное хозяйство, но и транспорт, связь, народное образование, здравоохранение).

Из остальных — меньше миллиона приходится на младенцев и дошкольников (125 тысяч родившихся в 1986 году и такого же порядка величина в предшествующие и последующие годы), около миллиона составляют школьники, почти три четверти миллиона — учащиеся ПТУ и техникумов, студенты вузов, не считая заочников и вечерников, наконец, около миллиона с четвертью — неработающие пенсионеры (вообще-то в городе около 2 миллионов пенсионеров, включая инвалидов, но почти половина из них, в том числе более трети пенсионеров по возрасту, продолжает трудиться). Кроме того, сюда относятся домохозяйки.

Особенность динамики движения рабочей силы в Москве заключается в том, что работники промышленности и сферы обслуживания ежегодно многими тысячами уходят на пенсию, а детей своих с помощью так называемой общеобразовательной средней школы (которая по сути своей была и остается своеобразным «подготовительным факультетом» вузов) всеми правдами и неправдами стремятся пристроить в сферы науки, культуры, управления, благо число должностей-синекур здесь в последние десятилетия росло лавинообразно. В результате на одном полюсе образуются «излишние» рабочие места (читай: синекуры, без которых вполне можно обойтись), а на другом — искусственно созданный таким образом «дефицит» рабочей силы, то есть незаполненные вакансии на тех рабочих местах, без которых промышленным предприятиям города и городскому хозяйству никак не обойтись: станочники, шоферы, строители, продавцы и т. д. И «дефицит» и «избыток» измеряются нешуточной величиной порядка нескольких сотен тысяч рабочих мест.

Полностью покрыть «дефицит» с помощью рабочей силы, привлекаемой из деревень и других городов (прежде всего, малых), просто физически невозможно, поскольку в точности такое же положение наблюдается по всей стране и заявки на рабочую силу поступают от ряда крупных городов и целых регионов. В силу этого уже несколько десятилетий существует, так сказать, «карточная система» распределения требуемой рабочей силы — общеизвестный «лимит». Москва по «лимиту» традиционно получала наиболее увесистую долю, измеряемую многими десятками тысяч ежегодных «лимитчиков». Но вот сравнительно недавно было принято решение впредь обходиться без привлекаемой извне рабочей силы. И для решения этого есть веские основания.

Давайте попробуем представить себе, что произойдет (уже происходит), если социально-экономическое и социально-политическое развитие Москвы и впредь пойдет тем путем, каким шло в предшествующие десятилетия. Допустим, будут по-прежнему удовлетворяться заявки ведомств на расширение сети учреждений госаппарата, по-прежнему создаваться все новые НИИ, будет расширяться управленческий персонал промышленных предприятий и увеличиваться число рабочих мест непосредственно на производстве. Ясно, что придется и дальше развертывать строительство, сеть учреждений обслуживания и культуры, транспортную сеть и т. д. А молодежь из московских семей, как и сегодня, в большинстве своем будет ежегодно заполнять «престижные» вакансии в сфере управления, науки, культуры. Кто же станет за прилавком обслуживать управленцев, деятелей науки и культуры, кто будет строить для них квартиры и охранять их покой, наконец, кто будет стоять за станками? Как и сегодня, «лимитчики»! А затем «лимитчики» уйдут на пенсию, а их дети займут «престижные» вакансии. Москве же вновь потребуются сотни тысяч новых работников — «лимитчиков». А вместе с их семьями это означает, что к столице ежегодно будет прибавляться как бы еще один крупный областной город.

По прикидкам градостроителей, если раскрутить такой «маховик», то он способен «затягивать» в Москву до миллиона и более человек в год. Уже через 30—40 лет подобной практики население Москвы достигнет 20—30 миллионов человек и будет продолжать увеличиваться все более стремительно. Чтобы обеспечить такое количество людей жильем, понадобится застроить сплошь всю Московскую область и даже прихватить немалую толику соседних областей. Для доставки такой массы людей от мест их проживания к местам работы, покупок, развлечений потребуется соорудить рядом с каждой транспортной ма-

гистралью Москвы (включая линии метрополитена) еще несколько таких же, помножив все это на масштабы Московской области и прилегающих областей.

Теоретически это осуществимо. Теоретически осуществим, наверное, даже проект сотнеэтажного «города-дома» на 300 миллионов человек, который, с соответствующими комментариями, несколько лет назад был вынесен на обложку одного из номеров журнала «Техника — молодежи». Но во что обойдется реализация подобного проекта, каковы будут последствия? Думается, что сооружение подобной «вавилонской башни» (даже в виде мегалополиса на 20—30 миллионов человек) окажется разорительным для населения страны и катастрофически обострит экологические проблемы прежде всего для жителей самого города. Но даже если найдутся средства и будут решены многие проблемы (что в высшей степени сомнительно), все равно нельзя забывать, что «маховик»-то будет продолжать раскручиваться. И тем самым энергичнее будет идти процесс концентрации в городе гигантских масс, о противоестественности чего прозорливо предупреждал в свое время В. И. Ленин.

Словом, рано или поздно все равно придется нажимать на тормоз, чтобы избежать катастрофы. И чем позднее это будет сделано, тем труднее окажется остановить «маховик», тем дороже обойдется торможение и для экономики, и для экологии, и для культуры страны. Поэтому решение о принципиальном отказе от «лимита» нельзя не признать своевременным: без него все прошлые постановления об ограничении роста крупных городов попросту повисали в воздухе.

Иногда приходится слышать возражения, что вот, мол, в Мехико и ряде других крупных городов развивающихся стран (в развитых странах рост крупных городов резко замедлился или даже вовсе приостановился) дело тоже идет к трем и более десяткам миллионов жителей — и ничего. Но, во-первых, такая перспектива вовсе не радует ни правительства, ни общественность развивающихся стран, ломающих голову именно над этой проблемой при полной ясности того, что в принципе такой рост крайне нежелателен в экономическом, экологическом и особенно социальном отношении. А во-вторых, там же капитализм, рыночное хозяйство, обусловливающее, с одной стороны, стихийность и труднорегулируемость данного процесса, а с другой — накладывающее на него жесткие ограничения.

Мексиканец, прежде чем переселяться в Мехико, должен трижды подумать, где он обретет там рабочее место (750 миллионов безработных и полубезработных в развивающихся странах мира — каждый третий!) и чем будет платить за жилье по рыночной стоимости, то есть в переводе на наши отечественные условия до сотни и более рублей в месяц за самую плохую комнатенку. Москвичу обо всем этом размышлять не надо. Каждый московский дьяк норовит набрать в свой приказ — называется ли этот приказ министерством, НИИ или еще как-нибудь — столько подьячих, сколько «вырвет из горла» у начальства: платит-то за каждую человеко-единицу не из своего кармана, а из общегосударственного, то есть из общего нашего с вами и внешне вроде бы «чужого». Так что дай дьякам волю, подьячие в Москве будут насчитываться не сотнями тысяч — миллионами. А то, что это аукнется падением жизненного уровня населения страны, об этом мало кто задумывается. С другой стороны, раз ты пристроился подьячим — и тем более дьяком — даровая квартира плывет тебе в руки как бы автоматически, раньше, чем тем, кто прожил в столице всю свою жизнь в ожидании такого чуда.

Вот почему начинать такого рода размышления социология и прогностика настоятельно рекомендуют с ответа на вопросы: а какой бы мы хотели видеть Москву в обозримом будущем? И почему?

Необходима концепция социально-экономического развития Москвы на перспективу. Неудивительно, что ей уделяется сегодня так много внимания.

«Третий Рим»?..

Если верить историкам — а им в отдельных случаях все-таки следует верить,— то наши допетровские предки очень гордились тем сомнительным достижением, будто город Москва стал смахивать на Византию. Два Рима пали, витийствовали они, подразумевая под вторым Константинополь, третий (Москва) стоит, а четвертому не бывати. Казалось, этому бреду не суждена была долгая жизнь. Вскоре Петр I организовал еще один «Рим» на берегах Невы, выбрав для него место, наихудшее из всех возможных,— словно в издевку над своими потомками, которые, правда, в свою очередь, сделали все, чтобы еще более ухудшить положение. Но когда вспоминаешь, что главной отличительной чертой Рима и Византии (в их предкризисном состоянии) было социальное иждивенчество — «Хлеба и зрелищ! А сверх того знать ничего не желаем!» — то невольно закрадывается подозрение: а не сбылась ли ненароком мечта идиотов, не раскинулся ли ныне «третий Рим» от Переделкина до Мытищ и от Химок едва ли не до Подольска, не раскинется ли он завтра от Смоленска до Владимира, от Твери до Тулы и Рязани?

Правда, градостроители заверяют нас, что ничего страшного не произойдет, ни леса, ни пашни Подмосковья не пострадают. Достаточно, например, заменить в Звенигороде и еще 72 городах Подмосковья стародедовские избы на современные высотные здания, и можно будет разместить без ущерба для природы еще 2 миллиона человек. А затем то же самое проделать с малыми городами соседних областей. Но, во-первых, при существующих условиях, эти миллионы неизбежно хлынут в центр ежедневными приливами и отливами. Как быть с дорогами, транспортом? Во-вторых, как быть с другими проблемами, о которых мы толковали выше. Наконец, в-третьих,— и это самое главное — мы-то видим, что процесс «расползания» Москвы, словно кляксы на промокашке, уже идет полным ходом, что высотные дома сотнями шагают от кольцевой дороги во все стороны со скоростью света. И пока мы с вами толкуем, «третий Рим» вполне способен дошагать до второго, а может быть, даже и до первого.

И в то же время возникает вопрос: как приостановить движение? Ведь приостановить (мы все время говорим только о существующих условиях) — значит отдалить, а то и вовсе исключить новоселье вашей семьи, место в детсадике для одного вашего чада, престижное место за письменным столом для другого, подросшего уже. Легко говорить о градостроительных процессах «вообще», а когда это задевает благополучие твоей семьи, люди мгновенно меняют философское настроение на очень сердитое и начинают допекать власть предержащих вопросами: когда? доколе? какие виды на улучшение?

Может быть, на такого рода вопросы легче будет ответить, если попытаться кардинально изменить существующее положение? Но для этого надо сначала сообразить, что конкретно в этом положении нас не устраивает, что поддается изменениям и в каком направлении желательно менять. И не с обывательско-потребительской точки зрения:

не устраивает работа, зарплата, квартира — хочу попрестижнее, повыше, покомфортнее, причем и для себя, и для внуков, и для правнуков, а как всего этого добиться для всех иных-прочих, жаждущих того же, меня не касается. Нет, с гражданско-конструктивной: перестраивается вся страна, ее столица не может быть исключением, так в каком направлении ей развиваться, чтобы и мои личные вожделения, и стремления окружающих меня людей, и интересы общества в целом реализовались бы наилучшим образом?

Вот, встав на такого рода позицию, давайте внимательнее приглядимся к привычному нам, москвичам, положению, которое надлежит неизбежно перестраивать.

Первое, что бросается в глаза с занятой нами позиции гражданина,— это миллионная толпа праздношатающихся в пределах Садового кольца и такая же толпа на улицах между Садовым кольцом и кольцевой автодорогой. И не только вечером или, скажем, в выходные, но и в одиннадцать утра, и в три часа дня, от понедельника до пятницы включительно. Казалось бы, только что масса рабочих, служащих, студентов, учащихся ПТУ и школ, в жуткой давке часов пик прокатилась лавиной по городу и затихла на своих рабочих, служебных и учебных местах. Вроде бы на улицах должны остаться лишь матери с колясками, греющиеся на солнышке старики да гости столицы. Ан нет! Улицы полным-полны разного народа, в магазинах не протолкнешься, тысячи людей отстаивают в бесчисленных очередях по полдня, другие тысячи просто бесцельно слоняются, охотно собираются толпой на час-другой поглазеть на любое происшествие, битком набивают тысячные зрительные залы, если есть, что посмотреть...

Кто же эти гуляющие? Перепутали Москву с Сочи или Ялтой?

Гости столицы? Да, их в толпе всегда изрядное число. Особенно в центре. Летом на глаз их удельный вес доходит кое-где до половины и выше. Но почти нигде они не составляют абсолютного большинства. Это нетрудно заметить, поскольку по внешнему облику и озабоченности почти все гости столицы заметно отличаются от москвичей.

Неработающие пенсионеры? Да, их тоже подчас собирается немало. Но их удельный вес почти всюду намного меньше, чем гостей столицы,— просто в силу их численности, да к тому же ясно, что большая часть стариков и инвалидов, по понятным причинам, редко выбирается дальше лавочки перед своим подъездом.

Остается предположить, что львиная доля праздношатающихся приходится на тех, кто работает во вторую-третью смену либо по системе «сутки — дежурство, двое-трое — отгул». Конечно, встречаются и такие. Но мы же знаем, что таких — заведомое меньшинство среди работающих.

Так кто же еще?

Ба, знакомые все лица! Вот эти, из министерства или еще какой конторы, формально отправились на «объект» (совещание, инспекция подведомственной организации и т. п.), а фактически выстроились в очередь за колготками, мылом или на очередной «престижный» вернисаж. Вот эти, из НИИ, формально отправились в библиотеку или еще куда за научной информацией, а фактически мечутся, вместе с гостями столицы, по «бермудскому треугольнику»: ГУМ — ЦУМ — «Детский мир». Вот эти, прямо в грязных спецовках, воткнулись в очередь, кто грешники — за вином, а праведники — за молоком-кефиром: их «объект» все равно простаивает, потому что «не завезли», «сломалось» или «не уйдет, успеется».

Встречаются среди прогуливающихся (точнее, прогуливающих) и

старшеклассники, учащиеся ПТУ и техникумов, особенно много студентов. О последних говорю со знанием дела, потому что сам 40 лет назад сбежал с лекции в кино на сенсационную тогда «Индийскую гробницу» и у кассы встретился со своей будущей женой (понятно, тоже сбежавшей с лекции из соседнего вуза). Теперь жена уверяет, что это ее бог наказал таким мужем за нарушение учебной дисциплины. Но это так, к слову. Важно, что мы были не одни такие и что за 40 лет ситуация если и изменилась, то не в лучшую сторону.

И вот эта колоссальная толпа, превосходящая по численности население Ташкента и Баку, вместе взятых, беспрестанно удивляется: народу на тротуарах все больше, очереди все длиннее, а товаров все меньше. Вообще-то надо удивляться, если бы было наоборот при таком положении дел.

Пойдем дальше и зададимся вопросом: а почему столько праздношатающихся? Ответ может показаться парадоксальным: потому что на работе — в том виде, в каком она есть,— отсутствие такой массы людей никак существенно не сказывается. То есть еще как сказывается! На производительности труда, эффективности производства страны в целом и в конечном счете на жизненном уровне нас с вами. А вот собственно на наличествующих «рабочих местах» — нисколечко.

Сто раз журналисты обыгрывали общеизвестное ныне: из каждых десяти деловых бумаг, которые с великой спешкой готовятся в наших конторах — от министерских до жэковских, девять никто никогда не читает, а сразу складывают в стол, затем — в шкаф, затем — в архив и, наконец,— в макулатуру. Иными словами, сотня конторщиков что-то лихорадочно пишет, куда-то звонит, с кем-то препирается, что-то бесконечно «слушает — постановляет» — а при более рациональном делопроизводстве и на четверых бы работы не хватило. Удивительно ли, что никто не замечает, на совещание ли отбыла половина отдела или на просмотр интересного кинофильма.

Наш среднестатистический НИИ с примерно тремя сотнями сотрудников на твердом окладе выпускает в среднем примерно столько же новой научной информации в виде монографий, докладов, патентов и т. п., сколько аналогичное учреждение за любым кордоном, насчитывающее в своих стенах тридцать действительных ученых. Собственно, и в нашем НИИ в полную силу работает не более этого числа. И ни страна, ни наука не замечает, кропал ли до тошноты знакомый всем «околонаучный» персонаж свою пустопорожнюю диссертацию или стоял в очередях. Мало того, если он круглый год просто прогуливал — он нанес науке (и стране) меньший ущерб, чем если бы «пробивал» свой никому не нужный текст, интриговал, кляузничал, мешал работать настоящему ученому.

Ну а на промышленных предприятиях нашего города, что же, всюду царит рациональная организация труда, все работают добросовестно, и каждый выпускает продукцию высокого качества? Увы, мягко говоря, не всюду, не все и не каждый. А нередко — та же картина: четверо имитируют трудовую деятельность там, где и троим делать нечего, лишь каждое четвертое, в среднем, изделие оказывается надежным, и на миллионы рублей каждый год скапливается пресловутых «неликвидов» — продукции столь же мало кому нужной, как и управленческие бумаги. Так что, откровенно гуляя, некоторые работнички приносят обществу больше пользы, нежели якобы трудясь.

Явственно огорчают только пустующие рабочие места в сфере обслуживания. Но мы уже настолько свыклись с табличками «обед», «ушла на базу», «закрыто на учет», «санитарный день» — неправдопо-

добно дикими в любой стране мира, кроме нашей,— что спокойно воспринимаем в газете сообщение: в магазине 16 работников, в том числе двое продавцов.

Опыт подсказывает, что на каждого нормального читателя обязательно приходится один беликов, который все понимает буквально и начинает тут же уличать автора в очернительстве. Он, беликов, тут же напоминает совершенно справедливые истины, что не все работники в Москве гуляют — многие и вкалывают. Что именно Москва дает стране каждый пятый сложный станок и каждую пятую пару часов, каждый десятый телевизор и каждый двадцатый метр тканей. Что именно промышленность Москвы имеет более высокие показатели эффективности, чем по стране в целом. Что Москва не только ввозит продукцию других регионов страны, но и вывозит туда больше половины произведенного на ее заводах сахара-рафинада, четыре пятых — детского питания, еще больше — продукции чаеразвесочных фабрик, почти треть кондитерских изделий и т. д. Но разве об этом речь? Речь о том, то в результате накопившихся деформаций в области организации и стимулов труда в Москве (как и в других городах страны) возникли вопиющие диспропорции в производственной структуре населения, появились сотни тысяч «избыточных» рабочих мест (толпы праздношатающихся являются как бы внешним проявителем этого негатива) и столько же искусственно созданных вакансий, которые приходится заполнять «лимитчиками» и далее по тексту известной песенки о доме, который построил Джек.

С позиции гражданина зададим еще один крамольный вопрос: а все ли управленческие и иные конторы, все ли НИИ, мало того, все ли промышленные предприятия и — страшно произнести — все ли учреждения сферы обслуживания (в той форме и в таких масштабах, какие есть) так уж необходимы Москве? Не слишком ли большая нагрузка на нашу горячо любимую столицу? Не навалили ли мы на лошадь, изображенную на старом гербе Москвы, столько поклажи, что ее всаднику не то что дракона копьем пронзать — впору ноги рядом с ней протянуть? Сравнительно недавно подобные вопросы с порога отвергались как архикрамольные, а отдельные попытки выпихнуть за пределы столицы то какой-нибудь главк, то НИИ, то фабрику кончались, как правило, провалом и лишь укрепляли миф-догму, будто Москва, подобно резиновому шару, может раздуваться до сверхгигантских размеров, но, в отличие от резинового шара, якобы не способна лопнуть ни при каких обстоятельствах и с растущими масштабами только становится все краше да краше.

Но вот догматики оказались буквально расплющенными известиями, одно другого сенсационнее. Во-первых, промышленные предприятия и многие учреждения Москвы с января 1989 года переходят на самофинансирование и самоокупаемость. Во-вторых, вся Москва и Московская область, подобно другим регионам страны, переходит на полный и подлинный региональный хозрасчет. В-третьих, ставится вопрос о сокращении управленческого аппарата в Москве едва ли не наполовину. В-четвертых, ставится вопрос о самоокупаемости и научных учреждений, а также о том, где какому НИИ лучше самоокупаться — в Москве или в более близкой профилю данного НИИ местности. В-пятых, в той же плоскости ставится вопрос и о промышленных предприятиях. В-шестых, возникает вопрос, не поддается ли рационализации и сфера обслуживания. В-седьмых... Впрочем, читатель сам может продолжить этот перечень.

И тут, в свете возникших вопросов, уместно задаться еще одним: а какими видятся пути решения назревающих проблем?

Ждите ответа, ждите ответа...

В юридических науках есть такое скучное словосочетание: «делегирование полномочий». В переводе с юридического на русский язык оно означает, что начальник перестает опекать своего подчиненного по мелочам, передает ему часть своих полномочий и за пределами четко очерченного круга его, начальника, компетенции, разрешает подчиненному принимать решения по собственному разумению. Дал задание, проверил, когда необходимо (но не каждый день с утра до вечера!), вмешался, когда необходимо (аварийная или конфликтная ситуация, переориентация производства и соответствующая переналадка оборудования и т. п.),— и все, исчезни, не мешай подчиненным работать: хороший начальник тот, присутствия которого не ощущают.

При таком подходе, как показывает обнадеживающий опыт, происходят разом два чуда: во-первых, ошарашивает излюбленная журналистами «тайна ЛПР» (ЛПР — лицо, принимающее решение) — оказавшись на «беспривязном содержании», работники, как правило, намного увеличивают производительность своего труда и настолько же снижают претензии к качеству продукции; во-вторых, какой-нибудь четверки управленцев, переставших увлекаться мелочной опекой и занявшихся собственно управленческим делом (руководитель, подстраховывающий его заместитель, референт-делопроизводитель и подстраховывающий его помощник), оказывается вполне достаточно, чтобы заменить целый управленческий отдел — десятки и десятки человек! — да еще при гораздо большей эффективности управления.

Это означает, что в Москве управленцы могут исчисляться не сотнями тысяч, а всего лишь десятками тысяч. Иными словами, все министерства и госкомитеты СССР (число которых простой разум подсказывает целесообразным сократить на целый порядок) вполне могут поместиться в том самом Доме Совнаркома напротив гостиницы «Москва», из которого они начали лавинообразно расползаться по столице полвека назад. Ну, может, прихватят несколько зданий неподалеку — но не полгорода же! Точно так же все министерства и госкомитеты РСФСР могут расположиться в специально для них отстроенном роскошном здании на Краснопресненской набережной, против гостиницы «Украина». Все до единой службы Моссовета — не где-нибудь, а именно в Моссовете. А все заводские и учрежденческие службы управления — в построенных для них корпусах, освободив тысячи особняков и многоэтажных жилых зданий, которые они неправедно оккупировали.

Таким образом сам собой отпадет оживленно дискутируемый в последнее время вопрос о целесообразности вывода управленческих служб Российской Федерации и Московской области за пределы городской черты, чтобы хоть частично снять с города «управленческую перегрузку». Уменьшение масштабов сферы управления позволит этой сфере вполне органично, на наш взгляд, «вписаться» в градообразование столицы.

Боже упаси сокращать в той же пропорции науку! Ведь ее отдача, как известно, для развития экономики и культуры намного значительнее, чем любой другой отрасли общественного производства. Поэтому в принципе чем больше ученых — тем лучше. Но ученых, а не «околоученых», имя которым сегодня легион и от которых проку столько же, сколько от трутней.

Кроме того, пора резко порвать с несуразностью такого положения, когда в НИИ якобы что-то изучают, а в вузе якобы чему-то учат. И наука и учеба дают одно и то же: знания. А опыт показывает, что

знания лучше всего вырабатываются, закрепляются и передаются следующим поколениям только в единых учебно-научно-производственных комплексах. Вот почему Москва XXI века видится не «приказной», а прежде всего университетской. Пусть как можно больше молодых людей посредством разных форм обучения пройдут через столичные вузы, приобщатся к московской культуре, принесут в Москву самое ценное из многонациональных культур нашей страны и унесут с собой по возвращении в родные места крупицы высших стандартов нашей общей культуры (кстати, то же самое можно сказать не об одной Москве — о всех столицах советских республик, обо всех крупных городах страны).

А вот в отношении промышленности, по нашему мнению, надо основательно поразмыслить: какое предприятие и почему оставить в Москве, а какое всенепременно переместить в другое место или упразднить совсем. И какая бы кажущаяся выгода экономике от деятельности такого предприятия ни рисовалась, как бы ни хотелось его работникам «закрепиться» в Москве — и по возможности ближе к центру города,— верх должны брать оптимальные принципы градообразования. Приходилось слышать мнения специалистов, что при таком подходе Москва вполне могла бы на целую четверть, если не наполовину «разгрузиться» от отягощающих ее промышленных объектов.

В первую очередь сказанное относится, понятно, к центру столицы в рамках Садового кольца. Мы присоединяемся к тем компетентным и разумным голосам, которые утверждают, что полнокровной жизнью центр города сможет вновь зажить только в том случае, если он станет как бы «городом в городе», то есть будет иметь достаточно жителей, чтобы перестать быть «пустыней» по вечерам, и будет иметь достаточно развитую сферу обслуживания, чтобы достойно приветить и собственных жителей, и сотни тысяч гостей. А для этого необходимо вернуть жильцов в отобранные у них учреждениями дома, вывести из центра сотни, если не тысячи мелких предприятий, сохранившихся там со времен нэпа (а может быть, и Ивана Калиты), отдать первые этажи домов и все до единого особняки под учреждения культуры и сферы обслуживания.

Кстати, о гостях столицы. Вряд ли целесообразно закрывать перед ними шлагбаумы на московских заставах. Добро пожаловать! Но для того чтобы познакомиться с московскими достопримечательностями, а не с московскими очередями. Добиться этого можно, по нашему разумению, только одним способом: перестать продавать в Москве, показухи ради, то, что не продается в других городах,— любой «дефицит», от колбасы до швейных машинок. Во имя социальной справедливости! Нехватка — так пусть у всех нехватка. Недостает на всех того или иного товара — давайте научимся распределять его так, чтобы в первую очередь этот товар мог приобрести человек, отличающийся от прочих своими трудовыми заслугами, а не местом проживания. Тогда в Москву поедут преимущественно те, кто хочет побывать в Третьяковке, Кремле, московских театрах, а не только в ГУМе, ЦУМе и «Детском мире». И тогда, возможно, гостевое половодье войдет в нормальные, естественные берега, как в иных-прочих городах мира.

И еще одно: радикальная переориентация московских школ и училищ на потребности столицы. В эти потребности органично входят и дипломированные специалисты всех разновидностей — инженеры, учителя, врачи, управленцы, и деятели науки, культуры. Но не менее органично должны входить и «золотые руки» — слесари и токари, строители и дворники, шоферы и продавцы. Так, чтобы полностью отпала

нужда в каких бы то ни было «лимитчиках», чтобы естественное воспроизводство населения сопровождалось бы столь же естественным воспроизводством рабочей силы по всей номенклатуре необходимых городу специальностей. А чтобы естественное воспроизводство населения не оказалось суженным (а по опубликованным официальным прогнозам, оно начнет стремительно уменьшаться в 90-х годах), необходимо уделить сугубое внимание семье, особенно молодой. Прежде всего нужно дать реальную практическую возможность женщинам, желающим посвятить значительную часть своей жизни воспитанию двух-трех и более детей, сделать это без ущерба для их экономического положения и социального статуса.

Впрочем, здесь мы вновь возвращаемся к вопросу об эффективности экономики и выходим далеко за пределы собственно московской проблематики.

Мы коснулись лишь нескольких важнейших, по нашему мнению, контуров социальной концепции намечающейся (и начинающейся!) реконструкции Москвы. Так, как они видятся глазами социолога. Но здесь должны сказать веское слово и другие специалисты. И не только специалисты — все жители города. И не только москвичи — все жители страны, столицею которой является Москва. Довольно мы получали директивных материалов по Москве, после реализации которых приходилось годами и десятилетиями разгребать навороченное. А многое так и осталось неразгребенным. Пора предварять такого рода материалы «информацией к размышлению». И чем больше точек зрения, чем основательнее дискуссия — тем лучше. Гласность требует.

ХОЗРАСЧЕТ ЗА ЧУЖОЙ СЧЕТ

Московский нефтемаслозавод стоит замыкающим на проспекте Мира. Году в 1925-м он вырос на далекой окраине столицы, где, по сути, начинались дачи, теперь же его корпуса, окруженные многоэтажными жилыми домами, оказались чуть ли не в центре новой Москвы. Предприятие в своем роде уникальное: оно — единственный в Советском Союзе поставщик нефтемаслопродукции. Уникальность его еще и в том, что, как мне рассказывали, проект завода и все необходимые расчеты для него сделал всего один инженер, предусмотрев даже нужное количество гвоздей, причем не в килограммах, а в... штуках. Никаких ошибок, в том числе в смете, не допустил. Завод был возведен в точном соответствии с чертежами и без каких бы то ни было просьб о дополнительных ассигнованиях.

— Сейчас,— не без ехидства замечает его нынешний директор Юрий Иванович Миронов,— этим занимался бы как минимум проектный институт...

— Боюсь, не один,— в том же тоне добавляет секретарь партийной организации предприятия Вера Григорьевна Долганова.

...Беседа с ними происходила вскоре после отчетно-выборного партийного собрания, на котором в центре внимания стоял конечно же вопрос об экономическом здоровье завода. А оно теперь, понятное дело, зависит от таких лекарств, как хозрасчет и самофинансирование. Собственно, об этом и шел разговор, суть которого я постараюсь передать.

Миронов. Переходя с января 1987 года вместе со всеми предприятиями родного Миннефтехимпрома на новую систему работы, мы, признаться, поначалу не очень далеко заглядывали в будущее. Нас просто распирало от гордости: ведь мы тогда оказались в числе разведчиков — всего пять министерств в стране получили право на самостоятельное хозяйствование.

Долганова. Казалось, стоит только начать — и мы достигнем, автоматически, благополучия. Сказалась привычная вера в спускаемые сверху директивы. Думали: наверняка там, в высших эшелонах управления отраслью, все до ниточки учтено и предусмотрено, а остальное уж зависит от эффективности наших собственных усилий.

— *Но позвольте, разве в процессе подготовки нельзя было разглядеть подводных камней и рифов?..*

Миронов. Если честно, то никакой особой подготовки не было. В министерстве втолковали нам, руководителям, кое-какие азы, мы прослушали, так сказать, курс лекций, дня три, выражаясь канцелярско-бюрократическим языком, «вентилировали» проблему. Ознакомились с циркулярами, поговорили у себя с людьми. Да что толку: дело-то новое, его бы со всех сторон обдумать, ан, времени нет: все еще жива была система «давай, давай»! Впрочем, она и поныне еще не померла...

Так вот, спустили нам эти самые нормативы. Шли они, в общем, от достигнутого, к чему мы за многие годы привыкли и в чем никакого подвоха не увидели. Все было вроде бы по-старому: ассигнования прежние, то есть бюджетные, отчисления почти те же...

Долганова. Не учли только, что дальше пойдут изменения, которые нам уже не откорректировать. «Есть нормативы, будьте любезны, придерживайтесь их...» А нормативы эти нас за горло взяли. Теперь нам говорят, что ничего другого и ожидать не следовало, поскольку, дескать, переход на новые условия хозяйствования осуществлялся тогда, когда пятилетка уже была «сверстана» и никакие отступления от ее планов не были возможны. Словом, пришлось танцевать от печки, то есть от имевшейся базы. И все сегодняшние наши беды были закономерны. Сработали извечная торопливость, неумение взвешивать, предвидеть. Я это говорю применительно к тому, как все обернулось для коллектива завода. И теперь на партийных собраниях, на партийно-хозяйственном активе, в цехах только и слышишь: «Почему не дрались в министерстве? Почему не отстояли интересы предприятия и людей?» А ведь действительно выходит — не отстояли...

Миронов. Только не потому, что силенок не хватило или перед начальством струсили, а от незнания, хотя это тоже никого не оправдывает.

— *Что же получается: с новой моделью хуже, чем прежде?*

Миронов. Ни в коем случае!

Долганова. А кто сказал «хуже»?

Миронов. Вопрос поставлен неправильно. Должно было стать лучше, а мы вроде остались при своем интересе, топчемся на месте. Раньше мы о многом и не думали. Например, о реконструкции предприятия, о необходимости решать социальные проблемы, об экологии. Кто нам при существующей бюджетной бедности выделит на все это средства? А теперь вот думаем, обязаны думать: время другое! Только ведь мало — думать, надо и делать. Но как, если мы по-прежнему бедны? Работаем лучше, изобретательнее, считать научились. Да только что считать, если у нас ничего не остается! Нам установлены крайне низкие нормативы отчислений: на все фонды стимулирования — около 7 процентов. И это при 8 миллионах рублей годовой прибыли завода, более чем 30-процентном уровне рентабельности! После всевозможных вычетов у нас, по сути, ничего не остается. Наш фонд развития производства на 1988 год составил всего 367 тысяч рублей. Еще меньше фонд материального поощрения. Попробуй тут обновить предприятие, достойно отметить хороший труд!

— *Вы можете заработать больше, если начнете перевыполнять планы...*

Миронов. Так и думал, что вы приведете этот неотразимый довод. Только отразим он, отразим. Это ж насколько нам надо эти планы перевыполнить, если учесть, что завод выпускает продукцию более 100 наименований, к тому же в малой дозировке: одной продукции требуется всего 6 килограммов, другой — 7—9 тысяч тонн. И все расписано по поставщикам. Конечно, сверхплановую продукцию мы могли бы продавать, скажем, колхозам, совхозам. Но как ее произвести на нашем-то устаревшем оборудовании?

Долганова. С нормативами больше повезло тем предприятиям, которые ничего за душой не имели и кому доставались большие капитальные вложения. И поскольку нормативы брались, что называется, от печки, от базы, они оказались богаче. Есть у них теперь стимул для развития? Думаю, что нет.

Миронов. На хозрасчет и самофинансирование перешли не мы одни. И мы это здорово почувствовали, особенно во взаимоотношениях с нашей отраслевой наукой. Раньше, когда она жила на бюджетной подкормке, мы получали от нее все вроде бы как бесплатно. Во всяком случае, на заводской экономике это не сказывалось. Нынче же за все приходится платить, и немало. Кто устанавливал цены на нормативно-техническую документацию, обоснованы ли они научно, никто не скажет. Я полагаю, взяты с потолка. Институты вольны проставить в договоре любую сумму, а поскольку «без бумажки мы букашки», их подписи на документах нам нужны, волей-неволей мы и раскошеливаемся.

Долганова. Словом, с переходом научных организаций на самоокупаемость наших 367 тысяч рублей фонда развития производства не хватает даже на оплату работ по пересмотру нормативно-технической документации. Попробуй это объяснить людям.

Миронов. Попробую объяснить это сейчас. Мы сотрудничаем со Всесоюзным научно-исследовательским и проектным институтом нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности. И за что только ему не платим! Можем сорок лет выпускать одну и ту же продукцию, из одних и тех же компонентов, получаемых от одних и тех же поставщиков,— все равно испрашивай «добро» на технические условия и плати, каждые пять лет плати.

Передали нам с одного ленинградского предприятия производство нового для нас продукта. Сырье, технология, поставщики те же, что были у ленинградцев, ничего не изменилось, разве только порядковый номер оборудования. Казалось, работай и радуйся. Не тут-то было! Требуются квалификационные испытания и, естественно, бумага из института. Неважно, что эти испытания проводятся лишь в лабораторных условиях, все равно плати. Ни много ни мало — 70 тысяч.

Еще пример. Мы выпускаем семь видов масел, для производства которых потребовалось заменить один компонент. Он всем известен, им пользуются, вернее, будут пользоваться. Нужны квалификационные испытания, не спорю. Но за них институт требует 45 тысяч рублей. Будет платить и каждый завод, который начнет работать с этим компонентом. Так, может быть, правильнее было бы, чтобы эти испытания

в централизованном порядке финансировало министерство, а заводы расплатились бы с ним равными долями? Наверняка все прошло бы быстрее и обошлось дешевле.

Долганова. Если наука будет продолжать ничем не обоснованную, простите, обдираловку, весь смысл ее перехода на самофинансирование искажается. И то: зачем двигать вперед научно-технический прогресс, что-то изобретать, рисковать, если можно жить припеваючи за счет договоров на проведение давно известных работ, устанавливая за них фантастические цены? Это бесплодное иждивенчество.

А вот еще такая штука. При периодически производимой аттестации нашей продукции ее сравнивают с мировыми аналогами. И Госстандарт требует от нас представить ему специальную карту сравнения технического уровня нашей продукции с зарубежной. Если мы ее не представим, наша прибыль будет уменьшаться: сперва на пять процентов в год, потом на десять, пятнадцать, тридцать, пока не окажется, что мы работаем бесплатно.

Конечно, работать «за так» не хочется. Но где эту карту взять? У нас нет ни технической библиотеки, ни специальной отечественной и зарубежной литературы, сделав выписки из которой можно спокойно идти на аттестацию. Коли нет, идем в институт-разработчик — там все есть. Заказываем карту. Это примерно две странички текста, и за них мы выкладываем... 3 тысячи рублей!

Миронов. Время обязывает нас серьезно заниматься экологией. Пренебрегать ею, как это продолжалось много лет, уже невозможно. Значит, нужно действовать, и действовать решительно, быстро. Столкнувшись с проблемой очистки сточных вод, мы обратились за помощью в Леннефтехим. Там должны разработать регламент на проектирование всего необходимого. Учтите, пока что речь идет только о регламенте, не касаясь других дел и исполнителей. Так вот за него с нас требуют 50 тысяч рублей.

Это лишь некоторые примеры, повторяю, некоторые. Произведя элементарные арифметические подсчеты, вы без труда обнаружите, что у завода на все это не хватает средств.

— *Надо было обращаться в министерство...*

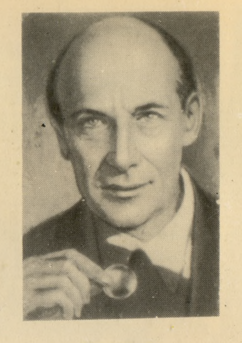
Директор и секретарь парторганизации многозначительно улыбнулись.

Миронов. Обращались, доказывали с документами и цифрами в руках. Не могу сказать, что встретили непонимание. В январе 1988 года решением коллегии министерства финансовому управлению было поручено выделить заводу в фонд развития 900 тысяч рублей. 400 тысяч после длительных переговоров с управлением мы получили, остальные пока повисли в воздухе. Между тем заводской кошелек, как я уже говорил, не ахти какой пухлый.

Долганова. Подрезает нас под корень и материально-техническое снабжение. Партийная организация, администрация очень обеспокоены тем, что все время нам чего-то недодают или дают со срывом сроков. В общем и целом поставщики договоры с нами вроде бы выполняют, но чаще всего с запозданием. Как тут ритмично работать, как обеспечить своевременную поставку нашей продукции, если сырье на предприятие поступает либо к концу отчетного периода, либо после него! Наше предприятие, как уже говорилось, выпускает продукцию мелкими сериями, и стоит запоздать с прибытием одной-единственной цистерны с каким-либо компонентом, как это значительно уменьшает объем реализации месячной продукции.

Андрей БЕЛЫЙ

«...Я НИКОГДА ЕЩЕ НЕ БЫЛ ТАК ЯРКО НАПОЛНЕН МОСКВОЮ, КАК НЫНЕ»

Фрагменты из книги «Одна из обителей царства теней», написанной и опубликованной (Л.: Госиздат) в 1924 году, вскоре после возвращения А. Белого из Германии.

Несколько месяцев, как вступил на московскую почву я, кровный москвич, здесь проведший почти что всю жизнь, здесь проделавший путь революции, видевший образы послереволюционной разрухи; да, я никогда еще не был так ярко наполнен Москвою, как ныне.

Бывали периоды,— я не живал в Москве годы; и я возвращался — к друзьям, не к Москве; таковой у меня и не было; не замечал ее я, и какой ее покидал я — такой возвращалась она мне, минуя почти поле зрения и образуя естественный, неизменяемый фон встреч с людьми; не менялась разительно: теми же улицами циркулировали те же люди; мое предпоследнее расставание с Москвой обнимало года с 1912 по 1916 г.; я покинул реакцию довоенного времени, а вернулся в те дни, когда все излучало энергию накопления революции, но Москва оставалась Москвою: разительной встречи с ней не было.

Страстная (ныне Пушкинская) площадь. *1920-е гг.*

Ныне покинул Москву в октябре 1921 г.; труднейшее время уже изживалось; два года провел я в Германии; вернулся — в Москву ли? Она изменилася, встречи с друзьями — большая мне радость; но большая — встреча с Москвой, с ее ликом, особым, слагавшимся в революционные годы, но ныне лишь явленным ярко...

И вот — первое впечатленье от Советской России...

Граница: художественная продуманная форма солдат пограничных, их выправка, несуетливый порядок в свершеньи формальностей; все импонировало, интересовало, казалося новым; вот — Себеж; и — объясненье с чинами из ГПУ, отказывающимися просмотреть мои книги по списку: «Отправьте их в таможню: здесь же нам некогда». Спутанные, но вполне добродушные предложения мне таможенных чиновников: «Вы поступите — вот так-то».— «Нет, так-то...» И спор между ними по этому поводу. «Слушайте, товарищи, тут мне дали четыре различных совета: которому ж следовать?» Был я немного смущен, но мне было не грустно, а весело; чувствовалась под ногами какая-то твердая почва; и мы — перешучивались, что, мол, вот: неизвестно, что делать.

Поехали: станции; и — босоногие люди на станциях; многие в черт знает что облекали тела свои; после Берлина та дикая пестрость порой очень ветхих одежд поражала меня; это — все, точно нищие; но какое-то странное выражение лиц, выражение глаз по сравнению с берлинской, прилизанной публикой; там выражение хмурой работы в бегающих тускловатых, растерянных глазках, всеобщее унылое выражение, не допускающее появление фигур;

Газетный киоск с рекламой А. Родченко на Серпуховской площади. *1924*

Продолжение на 2-й вкладке

Миронов. Теперь спрос с поставщика строгий: недодал что-то потребителю — плати по штрафным санкциям. Платим мы, платят и нам. До сих пор разница была в нашу пользу, и мы за счет нее пополняли свои скудные фонды материального поощрения. Но в последнее время из-за плохого снабжения этот разрыв стал уменьшаться.

Средств катастрофически не хватает. Как идти дальше, располагая мизерными фондами на развитие производства, материальное поощрение коллектива, на социальные нужды?

У нас велик процент ручного труда. Терпеть такое положение дальше нельзя. Надо наращивать объем производства, тем более что в нашей продукции многие нуждаются. Следовательно, требуются современное техническое оснащение, склады; нужно менять условия работы. А мы, имея возможность на все это заработать, из-за спущенных нам нормативов остаемся без средств. Предприятие может иметь даже конвертируемую валюту. Недавно нам предложили заключить контракт с одной инофирмой на поставку заводской продукции. Партии хотя и небольшие, но стоят дорого. Сделка сулит примерно 3 миллиона долларов в год. Я было обрадовался: как же, часть валюты достанется предприятию, мы и развернемся. Первым делом закупим новейшее импортное оборудование. Почему импортное? Потому что, как я уже говорил, таких заводов, как наш, в стране нет и нужное оснащение у нас никто не производит.

Как известно, предприятиям и объединениям предоставлено право выхода на международный рынок. Однако, к великому сожалению, предприятия нашего профиля такого права лишены: торговля нефтепродуктами находится исключительно в руках государства. Однако нельзя же подходить к вопросу формально. Следовало бы учесть, каким нефтепродуктом и в каких количествах мы собираемся торговать. В конце концов, 3 миллиона долларов на улице не валяются.

Время идет, а никто этим вопросом заниматься не хочет. И лежит у меня проект контракта без движения...

Ко всему этому следует прислушаться. Недопустимо, чтобы произвольно устанавливаемые нормативы соотношения, всевозможные ограничения, которые есть не что иное, как пережиток административно-командных методов руководства промышленностью, опутывали производство, не давая ему развиваться. Они могут серьезно подсечь хозрасчет, отбить у людей охоту трудиться, посеять сомнения в возможностях нового хозяйственного механизма. Недопустимо строить хозрасчет за чужой счет.

Есть здесь и серьезная нравственная проблема. Не зря она волнует и партийную организацию нефтемаслозавода — от секретаря партбюро до рядового коммуниста.

Я. ШЕСТОПАЛ

СКОЛЬКО СТОИТ ИНЖЕНЕР?

Ответ на этот вопрос прост: молодой инженер стоит максимум 130—140 рублей в месяц — такова его средняя зарплата. А инженер с десяти-пятнадцатилетним опытом стоит рублей 180—200. Больше получают только начальники — за руководство.

Мы то и дело повторяем, что живем в эпоху НТР, что на дворе перестройка и одна из ее целей — резкое повышение эффективности производства на базе новейших достижений науки и техники. Стало быть, в перестройке инженер — фигура № 1. Это теоретически. А один из персонажей в миниатюре Аркадия Райкина, выражая презрительное отношение к месту инженера в нашем обществе, восклицал, жалея товароведа, что он стал «как простой инженер...». То есть ниже уже и некуда...

Окружающий нас мир вещей — заводы, дома и города, станки и автомобили, самолеты и суда, мосты, дороги и многое другое — создан инженерами. Казалось бы, инженеры — драгоценный фонд общества, почему же он так обесценился? Почему «фигура № 1» эпохи НТР так низко котируется в общественном мнении? А почему обесцениваются деньги, причем не только бумажные ассигнации? Как известно из истории, вскоре после открытия Америки в Европу стало приходить множество судов, груженных золотом, награбленным испанцами в их новых колониях, тогда как производство в самой Испании оставалось на прежнем уровне. В итоге бешено начали расти цены на товары, а золото обесценивалось. Аналогия напрашивается сама собой: слишком много инженеров мы «наштамповали», особенно за застойные годы. Доказательством являются, увы, многочисленные примеры, когда дипломированные инженеры идут в цеха работать простыми слесарями или станочниками. Одно время этим фактам удивлялись, писали о них в газетах, а уже лет пятнадцать как перестали удивляться, все принимается как само собой разумеющееся. Человека с инженерным дипломом можно встретить и за прилавком магазина, и у бензоколонки, на автозаправке, а то и просто как шабашника.

Создавшееся парадоксальное положение отражает систему перекосов, сложившуюся в нашем народном хозяйстве. Ни для кого не секрет, что качество продукции нашей промышленности, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Наша страна производит больше всех в мире стали и чугуна, тракторов и комбайнов, цемента и много другого, но что-то не слышно, чтобы мы торговали на капиталистическом рынке, скажем, сталью. Почему? Потому, что сталь наша низкого качества. Мы продаем за границу трактора, как правило, только марки МТЗ, потому что Минский тракторный — едва ли не единственный в сельхозмашиностроении завод, выпускающий хорошие машины.

А могла бы эта продукция быть высокого качества? Безусловно. Об этом свидетельствует и весь опыт истории русской техники. Страна наша всегда славилась изобретателями и умельцами. А что же внуки тульского Левши — сплоховали? Отнюдь. Просто творческая личность — а инженер это творец — не вписывалась в систему, точно названную командно-административной. У нас сложилась монополия производителя. А зачем монополисту бороться за улучшение качества продукции? Он — единственный, и стало быть, инженерное творчество ему не нужно, а нужен все тот же пресловутый, но до сих пор все еще не побежденный вал.

Будущего инженера в хорошем втузе учат многому, долго и хорошо. Он постигает высшую математику и теоретическую механику, сопромат и электротехнику, гидравлику и термодинамику плюс профилирующие дисциплины. И по окончании института, нагруженный этим багажом, новоиспеченный инженер попадает или в НИИ, что в последнее время маловероятно (там идут непрерывные сокращения), или в какую-нибудь контору, но прежде всего — на завод. И с чего же там начинает молодой специалист? Как правило, ему предлагают должность мастера. И тут инженер начинает понимать, что ошибся в выборе жизненного пути...

Беру на себя смелость утверждать, что у нас почти по всей стране, и в Москве тоже, существующий уровень производства не требует инженера в цехе в качестве мастера. Стало быть, знание высшей математики, сопромата, гидравлики ему не нужно. Технологические карты станочникам составляет не он. Из всего институтского багажа ему пригодятся только умение читать чертежи и кое-какие сведения из области нормирования труда, если приходится закрывать наряды рабочим. А весь день у нашего инженера уходит на беготню за заготовками, которые порой он сам подвозит на тележке к станкам, чтобы те не простаивали, и в ругани в инструменталке, чтобы своевременно получить режущий инструмент... Стоило ли для этого кончать институт и получать 140-рублевый оклад?! А рядом ребята, кончившие ПТУ и работающие всего два-три года, получают по 250 рублей...

Но предположим, молодого специалиста выдвигают на повышение: старшим мастером, потом заместителем начальника цеха. Только к этому времени он уже успел забыть все, чему учился в институте, ведь полученные там знания нашему инженеру в цехе так и не понадобились. Рядом на аналогичных должностях работают ребята, кончившие техникум, и прекрасно справляются со своими обязанностями. Да и среди начальников цехов полно дипломированных техников, и работают они нормально без умения решать дифференциальные уравнения. Правда, кое-кто из них вынужден учиться на вечернем или заочном отделении института. Нужда заставила? Отнюдь, анкета. Просто начальнику цеха положено быть инженером, даже если станочный парк в цехе состоит из допотопных ДИПов 1938 года рождения. По такой же причине и в контору и в министерство не суйся без диплома, хотя для бумаготворчества инженерные знания совершенно необязательны, потому что когда в министерстве и решают сугубо технические вопросы, то, как правило, или проводят предварительную экспертизу в НИИ, или собирают совет специалистов.

Исходя из соображений рациональности, на одного инженера должно приходиться пять техников (соотношение 1 : 5), для того чтобы разгрузить его от текущей работы, не требующей высшей квалификации. Такая пропорция и выдерживается во всем мире. У нас же на одного инженера лет пятнадцать назад приходилось всего полтора техника, а сейчас — и вовсе один. В результате, с одной стороны, инженер занимается работой, не соответствующей его квалификации, с другой — мы имеем ничем не оправданный рост числа инженеров. А следствие всего — рост втузов на периферии страны и нарекания на низкий уровень подготовки дипломированных специалистов.

Могут возразить: но ведь, скажем, в США много инженеров, возможно, даже больше, чем у нас. Может быть, но что точно известно —

американский предприниматель не будет платить от 20 до 50 тысяч долларов в год инженеру, если тот ему не нужен, в противном случае он, что называется, вылетит в трубу.

А где же инженер действительно необходим? В конструкторском, в технологическом бюро, в лаборатории: там без инженеров не обойтись. Но вот еще один парадокс командно-административной системы. К примеру, хороший инженер-конструктор уже несколько лет стоит у кульмана. Как конструктор и изобретатель он завоевал авторитет в КБ. Стало быть, ему надо повышать зарплату. А как? Ну самый простой путь — повышение категории: от третьей до первой. А потом? Все. Единственный способ увеличить ставку — это назначить его каким-нибудь начальником, а значит — оторвать от кульмана, потому что начальник уже не чертит, а только подписывает чертежи, а также занимается согласованиями, заседаниями и организаторской работой. Заметим, кстати, что хороший организатор и хороший конструктор — отнюдь не синонимы. Не столь уж часто хороший конструктор или технолог, произведенный в начальники, становится настоящим организатором. За рубежом это давно поняли. В ряде европейских стран глава фирмы, видя необходимость поощрить конструктора или технолога, не повышает его в должности, отрывая от кульмана, а поднимает звание и соответственно оклад. Самое высокое звание с самым высоким окладом — доктор-инженер. Над этим опытом давно следовало бы задуматься в наших министерствах, но препятствует этому бюрократическая система, которая оценивает специалиста не по деловым, а по анкетным данным; начальники, для которых немыслимо, чтобы простой инженер получал больше них...

Закономерен вопрос: зачем автор ломится в открытую дверь? Все и так знают, что инженеров слишком много и они слишком мало получают.

Где же выход? Его подсказывают хозрасчет и радикальная экономическая реформа. Пока есть лишь отдельные примеры. Предприятия, перешедшие на подлинный хозрасчет (а к таковым пока можно причислить лишь заводы на аренде), прежде всего сокращают аппарат управления, причем весьма значительно, а это значит — в первую очередь инженеров. Правда, многие из них решают после сокращения идти в цех рабочими. Там заработок заметно больше, а знания на «аппаратной» работе наш специалист уже подрастерял. Однако дело не только в упорядочении штатной структуры предприятия, но и в том, что молодой инженер обходится заводу или НИИ даром: послали заявку и получили его по распределению. Поэтому им можно и не дорожить, и использовать его хоть как грузчика, тем более что настоящему грузчику платить приходится вдвое больше.

Тут надо задуматься о том, сколько же стоит подготовка специалиста высшей квалификации. За время учебы государство выплачивает ему только стипендии около 3 тысяч рублей, не считая зарплаты преподавателям, затрат на оснащение лабораторий, поддержание в порядке учебных корпусов, общежития и т. д. Всего набегает от 5 до 10 тысяч рублей. Каждый вуз может легко подсчитать стоимость своего выпускника и заставить предприятие вместе с заявкой на него переводить в свой адрес соответствующие суммы. Вот тогда заводские отделы кадров крепко подумают, прежде чем отправить во втуз завышенную заявку или назначить инженера мастером. Уверен и в другом: выпуск дипломированных специалистов не возрастет, а скорее сократится, качество же их подготовки повысится. И у нас уже есть модель,

сложившаяся в сельском хозяйстве в результате арендных отношений. Едва эти отношения создались, как возник вопрос: а куда девать специалистов? Арендаторы их оплачивать не хотят, а если и согласны делать это, то только за конкретный вклад в производство. А ведь практически в каждом областном центре есть сельхозинституты. Где же найти их выпускникам работу у арендаторов?

Наша промышленность еще серьезно не вступила в «арендный период», оставаясь, я бы сказал, на весьма условном хозрасчете. Это вполне объяснимо: промышленное производство значительно сложнее сельскохозяйственного. И тем не менее опыт сельскохозяйственных арендаторов уже сейчас должен заставить нас задуматься о будущем инженера. Сколько их в действительности понадобится и какого качества? Могут сказать: «Как же поднимать технический уровень промышленности без инженера? Их надо навыпускать как можно больше, они и поднимут уровень». Как не вспомнить тут полвека назад брошенный Сталиным лозунг: «Кадры решают все!» Анализируя создавшуюся обстановку, хочется усомниться в правомерности этой формулы. Ее реализация и привела к тому, что на периферии пооткрывали множество институтов, не обеспечивая их соответствующей научной базой, высококвалифицированными преподавателями, и стали гнать вал выпуска инженеров. Кстати, нечто аналогичное произошло в период застоя, когда областные пединституты вдруг стали преобразовывать в университеты: что и говорить, престижно, когда в области есть свой университет... Между тем было бы куда разумнее и экономичнее укрепить базу и расширить вузы Москвы, Ленинграда, Киева и других старинных центров высшего образования, где могла бы учиться и иногородняя молодежь. Даже с учетом того, что потребовалось бы построить много новых студенческих общежитий, подготовка специалистов обошлась бы дешевле, а их уровень был бы выше. Я говорю об этом, вспоминая, как в 1985 году, будучи в Иванове, то есть совсем недалеко от Москвы, увидел объявление о том, что в местный институт принимают студентов... без вступительных экзаменов. Как говорится, дальше некуда.

Решение проблемы возможно только на путях перестройки. Подлинный хозрасчет и на заводе, и в КБ, и в НИИ быстро покажет, сколько каждому из них действительно нужно квалифицированных инженеров, сколько, а главное — как им следует платить. Видимо, в зависимости от эффективности работы это будет не 130 рублей, а не исключено, что и тысяча рублей в месяц, как платят нередко в инженерных кооперативах.

Думается, в будущее перестройки хороший инженер может смотреть с оптимизмом. Потому что на вопрос, сколько стоит высококвалифицированный специалист, способный выдержать конкуренцию как со своими коллегами, так и на рынке, выступая как творец конструкции или технологии, можно будет ответить однозначно: много. И тогда слово «инженер» у нас, как, впрочем, и во всем мире, будет звучать гордо.

Л. ЛАЗАРЕВ, инженер

«Горизонт» начинает новую рубрику. В ней будут публиковаться документы — открытые письма, статьи, стенограммы и т. п.,— проливающие свет на историю гласности в нашей стране. Историю драматическую и еще неизвестную во всей ее полноте.

Уже первое ознакомление с материалами, имеющимися в нашем распоряжении, показывает, что бытующая до сих пор оценка советского общества 1920-х — начала 1980-х годов как поголовно немого, безропотно и единодушно голосовавшего всегда и за всё, не совсем верна. Во все времена, не исключая самые трагические, когда даже намек на несогласие с общей «линией» беспощадно карался, находились люди, чьи голоса, протестующие, отрезвляющие, гневные и скорбные, нарушали крепко слаженный хор единомыслия и «всенародной поддержки», отстаивали правду, справедливость и человеческое достоинство.

Вспомним хотя бы «Несвоевременные мысли» М. Горького, письма В. Г. Короленко к А. В. Луначарскому, обращение «Ко всем членам ВКП(б)» М. Н. Рютина, письмо Ф. Раскольникова Сталину, из более поздних лет — статьи А. Д. Сахарова, Л. Чуковской... И нынешняя гласность уже не покажется нам упавшей с неба по чьей-то прихоти или недосмотру. Она выстрадана, у нее есть корни в нашей земле, нашей истории.

Редакция будет благодарна всем читателям, которые выскажут свои советы, поделятся с нами имеющимися у них интересными материалами.

ПИСЬМО М. П. НОВИКОВА «О ПОДНЯТИИ УРОЖАЙНОСТИ В КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кажется, с молоком матери впитали мы представление о коллективизации как о великой социальной революции, перевернувшей многовековой патриархальный уклад деревенской России, обеспечившей непосредственный переход многомиллионной массы крестьянства к социализму. В то же время нас долгие годы тщательно оберегали от знания того, что коллективизация и «ликвидация кулачества как класса» сопровождались острейшей идейной борьбой, грубейшим насилием по отношению к широчайшим слоям крестьянских масс, повлекшим миллионы человеческих жертв, а безудержная гонка за темпами коллективизации привела к разрушению главнейших элементов производительных сил в сельском хозяйстве. Отсюда упрощенный подход к этим сложнейшим явлениям, когда видна была только надводная часть айсберга — победное шествие колхозного строя, а другая — бегство крестьян с земли, потеря интереса к земледельческому труду, тысячи брошенных деревень — тщательно скрывалась. Все это привело к нынешней ситуации, когда обеспечение продовольствием населения еще недавно крестьянской страны стало наипервейшей государственной и политической задачей, от решения которой в значительной мере зависят судьбы перестройки.

А между тем над этими проблемами в свое время работали видные деятели нашей партии и Советского государства, экономисты, задумывались, излагали свои соображения представители крестьянства.

Свидетельство тому — публикуемое здесь открытое письмо о поднятии урожайности крестьянина М. П. Новикова, датированное 1929 годом. Знакомясь с ним, читатели увидят, что, несмотря на своеобразное мировосприятие автора и некоторые, далеко не бесспорные, формулировки, оно содержит много верных и серьезных положений, созвучных нашим сегодняшним представлениям.

Несколько слов об авторе и судьбе документа.

Михаил Петрович Новиков родился в 1870 году в семье малоземельного крестьянина. С шестнадцати лет работал на подмосковных ткацких фабриках, затем проходил воинскую службу в штабе Московского военного округа. Именно в то время он знакомится с Л. Н. Толстым, дружба с которым продолжалась до смерти великого писателя. В 1896 году за разглашение ставших ему известными данных о финансовых расходах на коронацию Николая II был на три года сослан в отдаленные округа. По возвращении из ссылки официально заявил властям об отказе от православия. Батрачил у помещиков. За поданную в правительство записку с предложениями об улучшении условий труда и жизни крестьян был арестован и лишь после энергичного вмешательства Л. Н. Толстого освобожден из одиночки в Петропавловской крепости. В 1916 году вновь был предан суду за участие в составлении и распространении воззвания-протеста против войны, однако, признанный «виновным в преступлении, по закону ненаказуемом», освобожден из-под стражи прямо в зале суда.

После Октября М. П. Новиков избирался членом Лаптевского волостного исполкома Тульской губернии, народным заседателем в суде, был секретарем у сельскохозяйственного комиссара. Являлся селькором газеты «Беднота».

В 1929 году М. П. Новиков пишет публикуемое ниже письмо, которое явилось ответом на начавшуюся коллективизацию сельского хозяйства. Натура деятельная, он отправил его во все руководящие органы страны, лично Сталину и своим друзьям, в том числе писателю и журналисту И. М. Трегубову, который поддержал единомышленника и также отослал письмо в верха, сопроводив его докладной запиской. Однако, как и многие другие документы, вместо того чтобы стать предметом пристального анализа и изучения тогдашним руководством, они подверглись огульной критике, а содержавшаяся в них программа была объявлена «сектантско-кулаческой». В результате в 1930 году М. П. Новиков был арестован и «спешным порядком» выслан в Архангельск. По ходатайству семьи М. П. Новикова постановлением коллегии ОГПУ от 28 мая 1930 года освобождается из заключения, но затем один за одним следуют новые аресты. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 3 июля 1933 года Новиков был реабилитирован.

Характерно, что во время арестов и многочисленных следствий ему ни разу не были предъявлены фактические обвинения. После 1935 года следы М. П. Новикова теряются. Известно лишь, что умер он в 1939 году.*

*Не менее колоритна фигура Ивана Михайловича Трегубова (1858—1931). Писатель, публицист, Иван Михайлович также был близок Л. Н. Толстому. После революции И. М. Трегубов целиком посвящает себя вопросам взаимоотношений толстовцев и духоборов с Советской властью. Он — автор статей «Ленин и сектанты», «Сотрудничество сектантов в советско-коммунистическом строительстве» и др. Состоял в переписке с А. В. Луначарским, наркомом земледелия С. П. Середой. Сохранились копии писем И. М. Трегубова В. И. Ленину, датированные 1922 годом**. По-видимому, докладная записка дорого обошлась и ему. Умер Иван Михайлович в Казахстане 22 июня 1931 года***.*

* Данные приводятся по автобиографии, написанной М. П. Новиковым в 1935—1936 гг. по просьбе А. М. Горького (ОР ГБЛ, ф. 369, к. 398, д. 22). См. также: *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 20 т. Т. 18. М., 1965.

** ОР ГБЛ, ф. 369, к. 352, д. 28, 30, 33 и др.

*** *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1937. Т. 87. С. 195.

Уважаемые товарищи!

«Дайте сказать немому»

Я, старый крестьянин, живущий в деревне не по нужде, а по убеждению. Читаю, слежу за газетами, за ходом мировой жизни и за ходом разных кампаний, в ударном и неударном порядке проводимых в нашем Союзе. Последняя из них — это «борьба за урожайность».

Боже, Боже! Какая же вокруг такой простой вещи поднята агитация и пропаганда! Сессии, декреты, съезды земельных работников, земельные совещания, съезд агрономов, постановления губпартконференции, статьи спецов, селькоров и т. д. и т. п. Все наперебой шумят в одном направлении: «надо раскачаться», «надо не проспать», «надо подтянуться», «надо, надо и надо». Тысячу раз надо.

Оговариваюсь: сам я 40 лет назад разрешил для себя материальную проблему жизни, основав ее на трех китах: безусловной трезвости, безусловном трудолюбии и безусловной бережливости,— и в дальнейшем «надо» не нуждаюсь. Наоборот, продолжаю опытно верить, что без этих китов ни лично, ни общественно, ни государственно проблемы этой не разрешить, хотя бы пропаганда была и еще сильнее и звонче.

А потому лично в этой кампании не нуждаюсь и могу говорить беспристрастно, только как посторонний наблюдатель.

«Надо привлечь все общественные и партийные организации!..» И кажется, привлечены уже все, кроме организаций Наркомздрава.

Но что же тут будут делать эти организации? Делать доклады, говорить в 1001 раз одни и те же речи, в которых это «надо» будет повторяться на каждой строчке и в каждой фразе, будут писаться тысячи статей и распоряжений. Будет новый поток словесных рассуждений и газетных состязаний, и все об этом «надо».

Но кого же, собственно, касается это «надо», и кто может на самом деле разрешить это «задание» партии? Да только тот, кто работает на земле и живет крестьянской работой.

Что же, собственно, думает этот икс об этом «надо» и что собирается делать? В подавляющем большинстве он и не слушает и не интересуется никакими кампаниями, кроме налоговой и хлебозаготовительной. Меньшинство же читает и слушает в одно ухо, а в другое выпускает. Все же вообще чутко прислушиваются к этим двум кампаниям и все такие новости быстро передают друг другу.

«Как там насчет налога, что пишут: скотина будет в обложении, доходы-то разные? — Говорят, будет.— А насчет снижения что? Ведь раньше говорили, что налога совсем не будет.— Нет, пишут, что в прежней цифре останется, 400 мильен.— А-а, в прежней.— А цены как на хлеб? Опять партия свои назначит или вольные будут? — О вольных не слыхать, опять казенные будут.— А-а, опять казенные...» — Вот на этих слухах и соображениях и будет опять строиться «повышение урожайности», независимо от всего шума, речей и постановлений разных организаций, от которых в последнее время грамотному крестьянину, читающему газеты, становится и приторно и скучно.

Может ли пропаганда содействовать повышению урожайности и общему развитию крестьянского хозяйства?

Да, может, но при условии свободы промышленности и торговли, свободы конкуренции и хозяйственного накопления, а главное, при неподсиживании из-за угла этого развития чудовищными налогами. При отсутствии же этих условий, а тем более при обратных, вызываемых

политикой партии, пропаганда эта действует обратно, спешно подгоняя к свертыванию и установлению лишь самоедского хозяйства. При этом мы и присутствуем последние годы. Но в чем же дело? Да в той кастрации крестьянского труда и интереса, которую партия, неизвестно для какой надобности, наложила на нашу жизнь. Крестьянина экономически кастрировали; убили его интерес к труду и жажду приобретений, а теперь требуют, чтобы он стал хорошим производителем. Хотят нового и невозможного чуда. На чем во всем мире строилась экономическая жизнь? На полной свободе рыночных отношений, соревновании и конкуренции. Можно ли ее строить на других основаниях? Можно:

1) путем военной дисциплины и насилия, как строил Аракчеев военные поселения, и 2) путем добровольного искания личностью более лучших форм внешней жизни, на основе высшего духовного развития и мировоззрения, при котором эти новые формы «прилагаются сами». А есть ли для нас надобность действовать первым путем или есть предпосылки для второго? Никакой надобности. Никаких предпосылок.

Конечно, можно лезть на рожон и не признавать такой философии. Можно спуститься на низкие ноты и все же надеяться что-либо сделать:

1) понуждением и 2) поощрением.

Но что же тут в самом деле можно и нужно, чтобы поднять урожайность и возбудить к этому охоту крестьян?

Как-то совестно об этом говорить, когда об этом «можно» по всему нашему Союзу всеми крестьянами говорятся одни и те же слова и речи от Минска до Владивостока.

1. Можно и нужно исключить скот из налогового обложения, чтобы не мешать накоплять как можно больше скота и навоза. Навоза в среднем у крестьян хватает только на $^1/_2$—$^1/_4$ часть парового поля, а остальное идет под посев пустой. А ведь кормит нас не пустая земля, а только навозная. Отмена налога на скот в три года увеличит его на 25—40%, что и повысит урожай на 15—20%.

2. Можно и нужно в сельском хозяйстве **учитывать только землю*** по ее качеству и количеству, и со всех равно. И брать по особому патенту за побочные кустарные промыслы. Заработную плату, получаемую вне хозяйства, на стороне, облагать также особо, и брать не с хозяйства, а с получающего, кто бы он ни был, от министров до поденщиков. Снятие налоговых пут и несправедливости с учетом скота и зарплаты поставит основное сельское хозяйство в независимое положение и снова перенесет на него центр внимания и не будет бить по рукам за трудолюбие.

3. Не только не допускать чудовищного налога: в 2, 5, 10 раз больше прежнего, как теперь, а снизить его до налога 1913 г. (от 1 р. 50 коп. до 2 руб. с десятины) и брать его в продолжение года без всякой «пени». Крестьяне не признают никаких отдельных налогов, а все исчисления прикидывают только на землю и, сравнивая его с налогом дореволюционным, 1910—1913 гг., когда мы платили с десятины 1.50, 1.75 коп., видят, что налог превышает прежний в 2—10 раз, что поневоле заставляет думать о прошлом, а не настоящем, свертывать хозяйство так, чтобы меньше подпадать под удары налога.

4. Цены на продукты деревни и изделия города и фабрики **установить по прежним эквивалентам**, допуская лишь общемировое повышение, связанное с понижением стоимости валюты. Имея **ту же самую хлебную товарность, что и прежде, я с рын-**

* Здесь и далее выделено автором.— *Примеч. ред.*

ка беру втри раза меньший эквивалент. То же и большинство крестьян. А в этом великая несправедливость и эксплуатация городом деревни.

5. Снять тяжелые путы с наемного труда и аренды земли и перестать считать преступниками тех, кто к этому прибегает. Прошлую весну у нас осталась пустовать земля: никто не взял в аренду (а прежде этого никогда не было). Почему? Да нельзя. Сейчас ты кулак и эксплуататор и на тебя процентное начисление. Если кто нанял, и того хуже: кулак и индивидуальное обложение. Кроме того, постоянная травля и прижимки.

6. ЗАПРЕТИТЬ ПЕРЕДЕЛЫ ЗЕМЛИ раньше 10—15 лет, смотря по местности. Земля любит хозяина, а хозяин «свою» землю. А при частых переделах она чужая и к ней нет интереса прикладывать руки.

7. ДАТЬ ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА ВЫБОРНОЙ СЛУЖБЫ ТЕМ КРЕСТЬЯНАМ, КОТОРЫЕ ЛУЧШЕ ВСЕХ ВЕДУТ СВОИ ХОЗЯЙСТВА и выше всех получают урожаи. Начальство должно показывать пример. Чтобы иметь лучшие урожаи, нужно больше водить скота, иметь хороший инвентарь, а это не только не поощряется, а сейчас же наказывается и позорными кличками, и чудовищными налогами. Такие приемы надо бросить и ввести обратные.

8. ПЕРЕСТАТЬ СЧИТАТЬ БЕДНОСТЬ ДОБРОДЕТЕЛЬЮ и искусственно ее культивировать и идеализировать. Это самое худшее, что у нас есть. Культ бедноты разводит притворщиков («химиков», как их зовут в деревне), которые в полном сознании, на виду у всех, не заводят себе скота и инвентаря; даже по два года не кроют крыши и живут, как самоеды, в гумне. Это же заставляет сильные семьи селиться врозь, чтобы всем сразу же стать бедняками и начать есть тоже чужой хлеб.

9. СНЯТЬ ПОЗОРНЫЕ КЛИЧКИ «КУЛАКОВ», «подкулачников», «буржуев», «уклонистов», «наплевателей» и т. п. с самого лучшего трудового населения, которое и прежде и теперь продолжает своим трудом кормить и поддерживать государство, невзирая на все стеснения, которым оно подвергается. Наибольший почет должен быть только тем, кто получает наибольшие урожаи и трезвостью жизни отличается в своем быту. Это все относится к мерам поощрения. Теперь о понуждении.

1. И можно и нужно установить правильный надзор за крестьянской работой и в поле и в хозяйстве, как он установлен на промышленных производствах. Пора положить конец деланию зажигалок в сельском хозяйстве. Для каждой местности агрономия должна установить минимальный порядок в обработке и посеве земли и требовать неуклонного его исполнения. Стыд и позор должен быть не на так называемых «кулаках» и зажиточных, имеющих свой хлеб, а на тех «химиках», бедняках, которые, имея 10 лет равное со всеми количество земли, все-таки не хотят, как нужно, работать и искусственно поддерживают свою бедноту и голод в надежде на государственную помощь. Разве это не позор! Культ бедноты надо изменить в корне, иначе они, как тощие фараоновы коровы, сожрут всех тучных и сами не пополнеют. Тунеядство и притворство надо вырвать с корнем.

2. ЗА ДУРНУЮ ОБРАБОТКУ, от которой на равном количестве земли семья не в состоянии прокормиться и уплатить налог, нужно делать публичные выговоры, а при повторных случаях отбирать землю, а самих таких крестьян выселять в совхозы как неспособных к самостоятельной работе. Прежде за недоимки снимали

землю и это действовало хорошо, а теперь надо снимать за плохую работу, разрешать же безнаказанно иметь и портить большие пространства земли для нас непозволительная роскошь.

ЕСЛИ ЭТОТ КУЛЬТ НЕ БУДЕТ ОТМЕНЕН, МЫ ДОЖИВЕМ ДО ГОЛОДА.

Оговариваюсь: меры к понуждению нужны будут не надолго — на 5—6 лет, до тех пор пока нормальный порядок экономической жизни снова вступит в свои права и захлестнет в свой поток всех желающих трудиться. Дальше они будут не нужны, так как и без них хлебных запасов накопится достаточно и для вывоза и для себя.

Вот то немногое, что нужно изменить в нашей экономической жизни, чтобы можно было надеяться на скорое и резкое повышение урожайности, которое нам нужно для укрепления хозяйственного положения в окружающем нас кордоне злобной заграницы.

Других ПУТЕЙ К ЭТОМУ НЕТ, КАК БЫ МЫ НИ ИЗВОРАЧИВАЛИСЬ.

Коллективизация, имеющая на верху горы — батраческий коммунизм, есть стремление не вперед, а назад и может временно удовлетворять лишь забитых нуждою батраков и нищих или попросту — это рай для батрачков-дурачков. Свободные же люди не могут идти в это рабство, как бы их туда ни загоняли, как не могут вообще ходить люди на четвереньках. Эта форма — родового периода каменного века и в век железных дорог и авиации совсем неприменима, и даже наш полунищий народ не может с ней добровольно мириться, предпочитая этому рабству свободу в своей бедности.

Если мы будем настаивать на мерах утопического характера, проводимых в словесном потоке всяческой пропаганды, мы вскоре зайдем в еще больший экономический тупик, который уже нельзя будет скрыть от зорких глаз заграницы и которым она не преминет воспользоваться для сведения с нами своих счетов. А это будет в тысячу раз хуже того, если мы сделали необходимые уступки крестьянскому населению НА ПУТИ ЕГО НОРМАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ. Тут не надо быть и пророком, чтобы все же видеть все последствия, которые сами собой наступят как результат наших опытов в области социалистического утопизма.

Я говорю и настаиваю и на этом потому, что ведь ни у кого из самых правоверных марксистов не хватает совести утверждать, что русский полунищий народ нуждается в социализме. Он нуждался и мечтал только о мелкой земельно-трудовой собственности и ни о чем другом и не мог мечтать после крепостного права. Обратному же не найдем ни одного. Русский народ не мечтатель и не гоняется за журавлями в небе, а потому не может добровольно строить вавилонские башни.

Я очень боюсь двух вещей: 1) культа бедноты, усиленно развиваемого и идеализируемого текущей политикой, и той травли всех действительно деловых и трудовых людей, на которых надевают позорные колпаки (как было при инквизиции), с позорными кличками выжимают из них все соки налогами, и 2) ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ, которую несомненно приближает к нам такая политика.

Вы не можете представить того упадочного настроения и растерянности, в котором теперь находится крестьянство. Как жить, что делать, как думать — никто не знает. Все мечутся, как пассажиры на тонущем корабле.

Я выдержал 10 лет со своим трудолюбием, платил 50, 80, 100 руб-

лей (вместо прежних 17-ти за те же земли) налогу. Но вот в прошлом году меня ударили по башке 145 руб. налога и — я потерял веру в добро и правду. Продал одну корову, весной продам и лошадь (останусь с одной лошадью и коровой). А это значит, что даже я не буду иметь постоянной обеспеченности хлебом, как это было все прошлые 40 лет. А что сделал я через 10 лет, то другие, слабые, давно уже сделали и делают.

Отсюда нет ни пуда для вывоза и не хватает для собственного употребления.

Кому и зачем нужно идти навстречу неизбежной беде с голодом и с войной? Мы совсем не понимаем.

Прямо какой-то маскарад, в котором ничего нельзя понять.

Вот это мне и хотелось сказать по долгу совести по поводу агитации за поднятие урожайности как крестьянину и гражданину.

Уважающий Вас крестьянин *Михаил НОВИКОВ*

9 февраля 1929 г.
С. Боровково Лаптевского района
Тульской губ.

Приложение

Наркомзему, Колхозцентру, ВСНХ, РКИ, ЦК ВКП(б), ЦИК СССР и СНК СССР
от *И. М. ТРЕГУБОВА*

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
о том, как поднять урожайность и усилить колхозное строительство

Обстоятельный ответ на вопрос, как поднять урожайность, дает прилагаемое при сем «Открытое письмо крестьянина о поднятии урожайности», подписанное хорошо известным мне народным писателем крестьянином-середняком Тульской губернии М. П. Новиковым, безусловно чéстным, умным, вдумчивым и правдивым человеком, к голосу которого прислушивался и Л. Н. Толстой и у которого он даже намеревался поселиться на жительство после своего ухода из Ясной Поляны *.

Так как то, что говорит Новиков в своем письме, есть результат не только его личного сорокалетнего непрерывного занятия крестьянством, но и его многолетних наблюдений над жизнью других крестьян и так как большинство крестьян, по его свидетельству, живет и думает точно так же, как и он, то это письмо, как голос этого крестьянства, заслуживает особого внимания и всестороннего наблюдения со стороны тех лиц и учреждений, которые заняты в настоящее время обсуждением улучшением сельского хозяйства, почему я и считаю необходимым послать его Вам.

* Известно, что Лев Толстой был дружен с М. П. Новиковым, последний посещал Ясную Поляну. Сохранилось письмо писателя Новикову с просьбой найти ему в деревне «хотя бы маленькую, но отдельную и теплую хату, так что вас с семьей я бы стеснял самое короткое время».— См.: *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1965. Т. 18. С. 501.— *Примеч. ред.*

Если Новиков, как и солидарное с ним крестьянство, ошибается в чем-либо, то во многом он, безусловно, прав, и потому для пользы дела необходимо исправить его ошибки на страницах периодической и непериодической печати, особенно крестьянских, сельскохозяйственных газет и брошюр, а верные и разумные советы его привести в исполнение.

Самая большая его ошибка, по моему мнению, заключается в утверждении, что «русский народ не нуждается в социализме, он нуждается и мечтает только о мелкой земельной собственности, ни о чем другом он не мечтает».

Конечно, большинство крестьян — собственники и индивидуалисты, почему В. И. Ленин и создал для них НЭП, но ведь кроме них есть и такие крестьяне, которые уже изжили собственническую психологию и давно уже вполне искренне, по глубокому своему убеждению, а не по нужде только стремятся к социализму и коммунизму, каковы, например, духоборы и другие сектанты-коммунисты, которые создали образцовые колхозы, почему в 1921 г. Наркомзем, по поручению В. И. Ленина, а в 1924 г. и XIII съезд РКП, по предложению М. И. Калинина, А. И. Рыкова и других, призвали сектантов, как «хозяйственно-культурный элемент», к колхозному строительству.

К сожалению, в последнее время по всему СССР идет повальный разгром сектантских колхозов местной властью под влиянием местных ячеек безбожия, вдохновляемых, в свою очередь, центральным московским органом безбожников, и тем причиняется большой вред не только сектантам, но и колхозному строительству, Советской власти *.

Правда, теперь во многих местах с необычайной быстротой, как грибы после дождя, образуются коммуны, без религиозной основы, по преимуществу из батраков и бедняков, но, будучи вызваны одной лишь нуждой, а не глубоким убеждением и поддерживаемые государственной помощью, а не своей собственной энергией, они с такой же быстротой и разваливаются, а если и существуют, то являются большим бременем для государства, оказывающего им помощь, каковая, конечно, рано или поздно должна прекратиться, а тогда волей-неволей прекратят свое существование и эти коммуны.

Поэтому, исправив ошибки Новикова, необходимо исправить и ошибки безбожников и тех властей, которые приводят в исполнение их директивы о ликвидации сектантских колхозов, предписав им не мешать сектантам строить колхозы, раз они в политическом, уголовном и гражданском отношении вполне безупречны, и тогда колхозное строительство пойдет у нас еще успешнее.

А что сектанты действительно способны создавать образцовые колхозы, в этом легко убедиться, посмотрев, например, хотя бы те фотографические снимки блестящей духоборческой коммуны в Канаде, которые хранятся в Толстовском музее и диапозитивы с которых имеются у меня, или посетив, например, сельскохозяйственную механизированную коммуну Чурикова близ ст. «Вырица» Сев.-Зап. ж. д., выкорчевавшую и осушившую более 300 десятин болотистой земли и превратившую ее в плодотворную почву, дающую урожай до 200 пуд. с десятины, или коммуну евангельских христиан «Вифанию» в Тверской

* О толстовских коммунах, их разгроме, происшедшем в начале коллективизации, см.: *Мазурин Б.* Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Новый мир, 1988, № 9.— *Примеч. ред.*

губ., которая на днях ликвидирована по внушению тех же безбожников как «очаг религиозного дурмана», что грозит и Чуриковской коммуне.

19 апреля 1929 года.
Москва, Каретный ряд, Успенский пер., 14, кв. 8.
Ив. Трегубов

Документы печатаются по оригиналам, хранящимся в Отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (ф. 369, к. 398, д. 22).

Мы благодарим руководство этого отдела за помощь, оказанную в подготовке публикации.

ПРЕДИСЛОВИЕ И ПУБЛИКАЦИЯ
кандидата исторических наук, зам. зав. кафедрой специальной гуманитарной подготовки кадров МТИ
А. А. ФЕДУЛИНА и сотрудника отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина
Ю. А. ДЕНИСОВА

РЕПЛИКА

„ЗАНОЗА" ОБ'ЯВИЛА

КОНКУРС

на самое ненужное учреждение в С.С.С.Р.

В конкурсе могут участвовать все. Фамилии корреспондентов, в случае их желания, могут не опубликовываться, но редакция должна иметь их подробный и точный адрес.

Последний срок присылки на конкурс — 15 мая с/г.

К 1 июня специальный номер журнала ознакомит читателей со штатами, накладными расходами и проч. деятельностью премированных учреждений.

Отделу охраны памятников старины и искусства Наркомпроса будет предложено обратить дома, в которых помещаются премированные учреждения в местные „Музеи Совглупости".

Биографии, портреты, описание деятельности и пр.

Руководителей премированных учреждений сделают имена их популярнейшими в СССР.

Корреспондентам будут выданы премии:

1-я.
„Рабочая Москва" со всеми своими приложениями на 1 год и Собрание сочинений В. И. Ульянова-Ленина.

2-я.
„Рабочая Москва" со всеми своими приложениями на 1 год.

Присылаемые на конкурс материалы, будут регулярно опубликовываться.

Материал направлять в запечатанных пакетах с надписью: Москва, Б. Дмитровка, д. 15, редакции „ЗАНОЗЫ", на „Конкурс ненужных учреждений".

Это объявление поместил в 1924 году еженедельник «Заноза». Согласитесь, что и сегодня, когда борьба с бюрократизмом стала одной из важнейших государственных задач, подобный конкурс, наверное, тоже имел бы смысл.

Вилен Владимиров

ТАМОЖЕННЫЙ ДОЗОР

Таможня. Это слово вошло в обиходную речь еще во времена монголо-татарского ига. По монгольски «тамга» — клеймо, тавро, знак, налагаемый на различные предметы и указывающий, что они принадлежат одному лицу, являются его собственностью. В Древней Руси тамгой именовалась и торговая пошлина, а затем слово это превратилось в «таможню».

В наше время торговля — это, кроме всего прочего, взаимовыгодный обмен товарами между государствами, разнообразные и широкие контакты представителей многих стран, это — широко открытые двери таможни.

С таможней, учреждением понаслышке известным каждому, непосредственно сталкиваются пока еще не очень многие.

Закон о государственной границе СССР гласит: «Лица, транспортные средства, грузы и иное имущество, следующие через государственные границы СССР, подлежат пограничному и таможенному контролю». «Таможенные учреждения СССР,— говорится в Таможенном кодексе,— осуществляют контроль за соблюдением государственной монополии внешней торговли, совершают таможенные операции и ведут борьбу с нарушениями таможенных правил и контрабандой».

Вот с этих позиций и расскажем о таможне, отчетливо представляя, для кого она барьер, для кого поднятый или опущенный шлагбаум, для кого — широко распахнутые ворота.

В Москве три таможни: Шереметьевская, Московская центральная и Московская выставочная.

О первой написано много статей, ее охотно показывает телевидение, тем более что это так просто: садись в центре столицы на автобус, и через час ты у государственной границы СССР... Да, да, два невысоких параллельных барьера в зале Шереметьевского аэропорта и есть граница. По эту сторону — наша страна, в другой конец зала без загранпаспорта и соответствующих виз не попадешь.

У первого барьера люди в темно-серой форме — таможенники. Досмотр личного багажа. Ставишь чемодан, портфель, сумку на стойку перед рентгеноустановкой. Щелчок тумблера — и на экране высвечивается их содержимое.

— Не дозволенных к вывозу предметов нет... Декларация оформлена правильно. Проходите, пожалуйста! — Вот и вся процедура таможенного контроля. Всего несколько секунд формальностей.

И такой же короткий, но вместе с тем тщательный контроль возле следующего барьера, пограничного, там, где у стоек — подтянутые военные в фуражках с зеленым околышем.

Для тех, у кого документы и вещи в порядке, шлагбаум на границе поднят. Если у человека совесть чиста, отношения с таможенной службой будут деловыми и доброжелательными. И к работникам таможни проникнитесь уважением: они на ответственной государственной службе.

В Шереметьево мы еще вернемся — постоим у стойки таможенного контроля на первом этаже огромного аэропортовского зала и поднимемся на седьмой, где находятся управление и музей контрабандных вещей и тайников. Там есть что посмотреть...

А пока отправимся на Комсомольскую площадь, в старинное здание рядом с Ленинградским вокзалом. Здесь размещаются Главное управление государственного таможенного контроля при Совете Министров СССР и Московская центральная таможня. Позади — огромное помещение, напоминающее железнодорожный пакгауз. У высокого дебаркадера — автофургоны. В одни из них заносят ящики, из других выгружают. Мы в досмотровом зале пассажирско-грузового отдела таможни.

Начальник отдела Владимир Борисович Корнилов, представив меня молодому, спортивного вида человеку — инспектору таможенной службы третьего ранга Владимиру Евгеньевичу Артамонову, поручил ему «показать журналисту все, что можно» и, сославшись на срочные дела, ушел.

Вслед за грузчиками входим в пакгауз. Построен он еще в дореволюционное время, здесь высокие потолки, большие залы для дипломатических грузов, по отправлению багажа граждан, выезжающих за рубеж в командировку, по приглашению, на постоянное жительство, по приему такого же рода багажа и грузов, другие помещения. И все забиты до отказа.

Это — наглядное свидетельство все более расширяющихся человеческих контактов, деловых, экономических и культурных связей нашей страны с другими государствами. К нам приезжают и из нашей страны выезжают за рубеж по обмену все больше и больше студентов, аспирантов, деятелей науки и техники, артистов. С той и с другой стороны растут потоки туристов. В перспективе число их будет удваиваться каждые пять лет.

— Сейчас куда больше народу, чем раньше, пользуется услугами таможни,— говорит В. Е. Артамонов.— По новым правилам значительно упрощены таможенные формальности, легче и быстрее стало отправить или получить груз... Но вместе с тем нам работать стало сложнее. Грузов — невпроворот, а в смене десять инспекторов, столько же грузчиков. Едва управляемся с досмотром. Людей не хватает, с техникой слабовато, да и помещение оставляет желать лучшего: нет вентиляции, летом душно, стоит пыль столбом.

А клиенты у нас разные. Студент из Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы жаловаться, что очередь большая, не станет, а какой-нибудь приближенный шейха из Арабских Эмиратов и протест по дипломатической линии может заявить... Шучу, шучу, но, если серьезно, неустроенность эта очень мешает. И трудно бывает иногда сохранить хладнокровие, а надо.

Знакомлюсь с работой инспектора, с процедурой досмотра. Каждый из предметов, укладываемых в ящики, чемоданы, баулы, огромные кофры, сверяется с документами, а иные отправляются на просмотр рентгеноустановкой. И, сидя рядом с парнями в темно-серой форме, оформляющими горы бумаг, я думал о том, какая это скучная, малопривлекательная работа, насколько интереснее та, что в Шереметьеве.

И ошибся. И удивился, более того, был поражен, узнав, что именно здесь, в отделе, пресекаются отдельные операции контрабандистов. И что сопровождающий меня молодой человек причастен к акции, о которой рассказали как о сенсации века газеты всех стран.

Владимир Артамонов, как и его коллеги инспекторы Московской центральной таможни Андрей Рябцев, Виктор Серегин, начальник отдела Владимир Корнилов, заместитель начальника таможни Василий Крашенинин, участвовали в разоблачении одной из групп наркомафии мира, отыскав в грузе, транзитом проходившем через нашу таможню, партию наркотиков стоимостью в несколько сот миллионов долларов.

В то время как ошарашенные читатели газет подсчитывали стоимость наркотика, одобрительно кивали головами, воздавая должное королевской конной полиции Канады — подразделению, осуществляющему борьбу с наркомафией, наши ребята делали свою будничную работу: оформляли документы, проверяли багаж, объясняли гражданам их права и обязанности. Теперь, когда закончился суд над преступниками и перекрыт еще один канал подпольного бизнеса, можно рассказать, как проходила операция, разработанная сотрудниками Главного управления и осуществленная работниками Московской центральной таможни.

Процедура проверки грузов, отправляемых из Москвы, относительно проста. Можно досмотреть каждую вещь, а в случае сомнения просветить на рентгеноустановке. И любые недоразумение, конфликт, жалоба разрешаются на месте, благо клиент находится тут же, рядом с таможенником.

Другое дело контроль транзита — багажа и грузов, следуемых через Москву. Как правило, они идут в контейнерах — одинаковых по размеру и внешнему виду металлических ящиках, забитых, что называется, «под завязку». В огромном, с треть вагона, контейнере помещаются и мебельный гарнитур, и коробка с чайным сервизом, и рулоны ковров, и детские игрушки, хрустальные люстры и автомобильные скаты. Не дай бог, поцарапаешь лак, расколешь чашку, испачкаешь ковер! Владелец вещей обязательно предъявит иск, удвоив, а то и удесятерив стоимость испорченного. Еще хуже, если таможенник не заметит внешнее повреждение контейнера, да еще такого, в котором находится груз зарубежной фирмы или компании. Тут гражданский иск тянет на большие деньги. Большегрузных, громоздких контейнеров в смену проходит несколько десятков, и все они, как говорится, на одно лицо, так что к концу смены от них начинает рябить в глазах. К тому же досмотр происходит не в таможенном зале, пусть душном, тесном, но все-таки защищенном от непогоды стенами и крышей. Делать это приходится прямо на железнодорожных путях, автостоянках — в любую погоду и в любое время суток. Тяжелая, изнурительная работа.

Огромная партия наркотиков, о которых писали газеты мира, была спрятана в двух контейнерах, следовавших из Афганистана в Канаду через нашу страну. Надо сказать, что первый сигнал тревоги подали термезские таможенники. Подозрительным показался оживленный товарообмен между одним кабульским купцом и монреальской фирмой, да и слишком накладно для отправителя было пользоваться маршрутом, на котором приходилось несколько раз делать перевалку груза. Не стоили таких расходов шерсть и изюм.

В Москве проверку поручили группе, прошедшей школу поисковика у старейшего сотрудника Центральной таможни Владимира Федоровича Козлова. За четверть века он раскрыл столько тайников, а значит, возвратил государству ценностей на такую сумму, что на эти деньги давно можно было бы выстроить новое здание Московской таможни...

Сначала наркотики пытались обнаружить с помощью собак, но они след не взяли.

Артамонов, Серегин, Рябцев искали упорно, кропотливо, долго. Проверили десятки тюков шерсти.

Запах гашиша в прессованных плитках коричневатого цвета, обернутых в два слоя полиэтилена, не смогла бы учуять и самая лучшая ищейка: его поглощали запахи шерсти. Плитки гашиша взвесили и не поверили глазам: 5 тонн 128 килограммов!

По нашим правилам наркотики подлежат уничтожению. Но в данном случае решили прибегнуть к «методу контролируемых поставок», которым широко пользуются таможни западноевропейских государств, международные органы, ведущие борьбу с наркомафией. Это нужно было для того, чтобы проследить пути следования, установить связи преступных организаций. Наркомания — беда всеобщая, и Советский Союз подписал и ратифицировал Единую конвенцию по наркотическим средствам, обязывающую вести решительную борьбу с их изготовлением, продажей и потреблением.

Рассказывает начальник отдела организации борьбы с контрабандой Главного управления государственного таможенного контроля при Совете Министров СССР А. Б. Привалов:

— В Москву были приглашены представители канадской таможни. Наркотик снова загрузили в контейнеры, отправили в Мурманск, а оттуда на судне «Бухтарма» в Монреаль. Все делалось в глубокой тайне. Мафия всегда старается проследить путь груза, скорость его продвижения, выяснить через портовых работников, не привлекал ли он внимания определенных служб.

А. Привалов выступал на процессе в Монреале в качестве свидетеля. Наркомафию защищали лучшие адвокаты Канады, получая в день по полторы тысячи долларов. Нашему представителю пришлось приложить немало усилий для изобличения преступников. Небезынтересно, что Монреаль ему довелось увидеть лишь из окна легковой машины: повсюду его страховали сотрудники королевской конной полиции — с мафией не шутят...

Процесс, о котором писала мировая пресса, поднял престиж советской таможни. Группа таможенников, отличившаяся в этой операции, была отмечена высокими наградами.

Но борьба с провозом наркотиков — лишь часть огромной работы таможни. Нельзя мириться с тем, что каким-то образом уплывают за рубеж и продаются на аукционах наши художественные национальные богатства.

В последнее время был принят ряд мер по коренной перестройке работы органов государственного таможенного контроля. Еще ранее служба была выведена из подчинения Министерству внешней торговли СССР, стала самостоятельной. Это позволило значительно поднять престиж профессии таможенника. Сейчас, после введения новых званий и других социальных мер в интересах работников таможенной службы, упорядочения заработной платы, решается и одна из острейших проблем — кадровая.

Как становятся таможенниками? Почему тот же Владимир Артамонов, отслужив действительную на погранзаставе, решил посвятить себя профессии куда менее романтичной, нежели его военная?

Контрабандисты-романтики остались в наше время разве что в художественной литературе. А каковы контрабандисты современные, Владимир Артамонов узнал в армии. Пограничники и таможенники

работают рядом, плечом к плечу. И еще тогда уяснил, что наряду с возложенной на пограничников защитой интересов государства не менее важна и ответственна защита интересов экономических. На страже их и стоят таможенники, контролирующие соблюдение монополии внешней торговли.

Владимир понимал, что в повседневной жизни это скрупулезная, утомительная работа с документами, куча бумаг, отчетов. Пристало ли молодому парню, спортсмену, демобилизованному пограничнику, заниматься чиновничьим делом, рыться в чужих чемоданах?! «Бороться с контрабандистами? Да сейчас такая техника, что и без человека все обнаружит»,— отговаривали его друзья. Но откуда им было знать, что профессия таможенника требует проницательного ума, разносторонних знаний, большой физической выносливости и душевной силы. Таможенник отнюдь не бумажный червь, как это может кому-то показаться. За накладными, протоколами, декларациями — люди. Настоящий таможенник должен разбираться в человеческих характерах, быть хорошим психологом. А умение мгновенно среагировать на нештатную ситуацию, быстро и правильно решить спорный вопрос!.. А знание конъюнктуры рынка — внутреннего и зарубежного, цены на тот или иной товар!.. Ведь если не представляешь, что сегодня в дефиците, о целенаправленном поиске и заикаться не стоит.

И еще одно, пожалуй, самое главное требование, предъявляемое к людям этой профессии: честность. Самой высокой пробы. Кристальная. Соблазнов у инспектора, досматривающего груз пересекающего границу автофургона или проверяющего ручную кладь у стойки аэропорта, немало. Ну что стоит человеку, спрятавшему бриллианты, предложить таможеннику крохотный камушек? Один-единственный... ценой в несколько месячных, а то и годовых зарплат инспектора.

Увы, не все работники этой службы остаются до конца верны служебному долгу...

Суд строго наказал мздоимцев и взяточников.

Ряды таможенников пополняются новыми кадрами. По путевкам комсомола сюда приходят отслужившие срочную в армии ребята, выпускники вузов. Требования к ним предъявляются высокие, конкурс большой — в некоторых таможнях двадцать человек на вакантное место.

Таможенный инспектор, как и пограничник, первый советский человек, с которым сталкивается иностранец. Первое впечатление — самое сильное, хотя и не всегда верное. Так что и внешний вид имеет немаловажное значение. Инспектор при исполнении служебных обязанностей должен быть подтянут, аккуратно одет, ему положено обращаться с людьми вежливо, отвечать на вопросы обстоятельно, держаться корректно. Хочешь не хочешь, а выдержку, самообладание сохраняй в любых ситуациях. Не надо забывать, что среди иностранцев немало людей баснословно богатых, привыкших у себя дома ни с чем не считаться. Забушует такой «мистер Твистер»: все ему не так, все не по его нраву, а таможенник не имеет права вступать в пререкания, обязан контролировать свое поведение. Велики физические и эмоциональные нагрузки работников службы, не потому ли среди них сравнительно немного ветеранов?

Виктор Михайлович Крючков — один из них. Заместитель начальника отдела Шереметьевской таможни, инспектор таможенной службы 1-го ранга — начинал эту свою трудовую деятельность четверть века назад.

— Я как раз закончил институт иностранных языков, торезов-

ский,— вспоминает он.— Однажды в качестве переводчика встречал в Шереметьеве группу итальянских бизнесменов. Ну и заприметил меня начальник таможни Василий Никитович Наумов. Побеседовали раз, другой, третий. Уговорил он меня...

Крючков — высокий, сухощавый, быстрый и ловкий в движениях. Тщательно обдумывает каждую фразу, подчеркивая интонацией главное. Лишнего не скажет. Не зря же работает на самой государственной границе СССР...

Виктор Михайлович коренной москвич. У него трудолюбивая, дружная семья. Сын радиомеханик, дочь заканчивает школу. А Римма Васильевна, жена, в 1970 году надела, как и муж, темно-серую форму. Она инспектор таможенной службы 3-го ранга, работает здесь же, в Шереметьевском аэропорту.

Виктор Михайлович музыкант, спортсмен, а в годы молодые занимался акробатикой. Разбирается в технике не хуже инженера или конструктора. В совершенстве знает французский, итальянский, немецкий, английский, может объясниться и на японском. Но главное — высокий профессионализм Виктора Михайловича. Он прирожденный «поисковик». И его авторитет у коллег, кстати не только советских, но и многих зарубежных, с кем встречается на конференциях, семинарах, курсах, огромен.

Времени на разговоры Крючков тратить не стал, а повел меня осмотреть музей. В застекленных шкафах находились разные вещи, обыденные на вид, каждодневно употребляемые в быту. Но если бы их могли видеть контрабандисты времен Челкаша или Хозе из оперы «Кармен», позеленели бы от зависти: куда им было с их примитивными уловками и простенькими тайниками до изобретений и изощрений нынешних контрабандистов!

Виктор Михайлович снимает с полки кассету для портативной кинокамеры, тянет пленку — метр, другой, десятый... А под крышкой — пространство, где были запрятаны наркотики. Переносной телевизор. Поди догадайся, что его трубка заполнена героином! Крючков не строил догадок: он просчитал, что маршрут, выбранный его владельцем-туристом, следовавшим из Сингапура в Гану, уж слишком замысловат; ни к чему ему было ехать через Москву. А разглядеть разрез на кинескопе, запаянный искуснейшим образом, старшему инспектору Владимиру Николаевичу Лисуненко и Виктору Михайловичу помогла профессия сына Крючкова: они вместе увлекаются сборкой радиоприемников.

Показал мне Крючков узкогорлый кувшин, на дне которого были обнаружены золотые монеты, залитые воском; пустотелую фигурку слоника из черного дерева, набитую героином: слишком тяжелым показался слоненок таможенникам; пуговицы из чистого золота (имитация, подлинные, конечно, пошли в банк); грецкие орехи, начиненные бриллиантами. Инспектору показалось странным, что, выезжая из нашей страны, иностранный турист запасся в дорогу не традиционными русскими пряниками, икрой, ржаными сухариками, а орехами, каких в его стране хоть отбавляй. И цепь рассуждений инспектора привела туриста к посту, где с помощью специального прибора просвечивается багаж.

— А если бы не было такого прибора? — поинтересовался я.

— Перекололи бы все орехи, но что надо, нашли,— засмеялся Виктор Михайлович.— А прибор — всего лишь орудие в руках человека.

Недавно в Москве проходила выставка-смотр техники, находящейся на службе таможенников ряда западноевропейских стран. Мы коечто там закупили, показали и свои аппараты и приспособления для раскрытия тайников. И все же наши конструкторы и производственники еще в большом долгу у таможенной службы.

Перестройка, новое политическое мышление, новые подходы в решении задач, стоящих перед народным хозяйством, коснулись и таможни.

Изменяется структура управления государственной таможенной системой. Во главу угла ставится экономическая сторона дела. Ведь таможня не только учреждение, призванное охранять, она должна и пополнять государственный бюджет, осуществлять тарифную политику. Разработка и применение новых правил и тарифов снимают барьеры на ввоз многих предметов, главным образом бытового назначения, персональные компьютеры, видеоаппаратуру, радиотехнику. Разрешается пересылка по почте, причем по желанию отправителя посылки могут быть оформлены через посреднические фирмы, пошлина взиматься в местной валюте. Поскольку телевизор или холодильник в посылку не упакуешь, предполагается организовать на территории нашей страны сеть таможенных складов.

При таможенной проверке на границе будут практиковаться красный и зеленый коридоры, суть которых состоит в том, что, если нечего предъявлять для досмотра, человек идет по зеленому коридору, есть — направляется к красному. Ведь подавляющее большинство путешественников — честные люди, и нет нужды таможенникам проверять каждого. Однако это не исключает досмотра в отдельных случаях и граждан, идущих по зеленому коридору.

Принцип разрешено все, что не запрещено, распространяется и на таможенную политику. Специальный список запрещенных к ввозу и вывозу предметов относит к таковым наркотики, оружие, боеприпасы, антисоветскую литературу, порнографические издания и фото.

С 1 сентября 1988 года вступили в силу новые, существенно сниженные ставки таможенных пошлин. Они не превышают 30 процентов от стоимости товаров в СССР. Например, если раньше автомобиль класса «Жигули» облагался пошлиной в 3500 рублей, то сейчас она — 1300 рублей. Можно ввезти автомашину, полученную за рубежом в качестве подарка. Без пошлины пройдет через таможню владелец машины, купивший ее из имущества нашего загранучреждения, так же как без уплаты пошлины пропускаются машины советских марок. Если по старым правилам разрешалось провезти один магнитофон на семью, то теперь на каждого члена, будь хоть грудной ребенок, можно по одному и видеомагнитофону, и телемонитору, и портативному или стационарному компьютеру. Но беспошлинно разрешается ввозить лишь одно наименование предмета. За второй магнитофон надо платить.

И гостям таможенные послабления. Турист или бизнесмен имеет право иметь при себе сколько душа желает валюты, может обменять свою на любую при условии отметки об обмене в банке.

Однако многие проблемы таможни еще не разрешены. И пожалуй, главная — отношение работников службы к тем, кто с этой службой сталкивается. Что греха таить, не изжиты еще случаи, и далеко не единичные, равнодушия, волокиты, формализма и, что уже совсем недопустимо,— бестактности, грубости, высокомерия со стороны таможенников.

Какие чувства вызывает инспектор, с чрезмерным усердием перерывающий чемодан с предметами туалета туристки? Как должны реагировать на поведение таможенников зарубежные бизнесмены, ожидавшие, как это имело место недавно, несколько часов в промерзшем самолете, пока те приступят к досмотру?

Стоит еще раз вспомнить, что торговля испокон века сближала народы, что языком, не нуждающимся в переводе, был и остается товарообмен.

Двери советских таможен широко открыты для тех, кто едет в нашу страну с добрыми намерениями — торговать, путешествовать, демонстрировать искусство своего народа, делиться хозяйственным опытом. Высоко поднят шлагбаум и для тех, кто вступает в таможенные залы с нашей стороны — едет познакомиться с другими странами, людьми, городами, природой, искусством, помогать в малоразвитых государствах поднимать экономику, наконец, пропагандировать достижения нашей науки, литературы, искусства, спорта. Чем лучше народы знают друг друга, тем больше доверия, а значит, дружбы, взаимопонимания между ними.

Только не следует забывать, что существуют определенные правила — как для гостей, так и для хозяев. Их нельзя нарушать. Да таможенный дозор и не допустит этого.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

В 7-м номере «Горизонта» была опубликована статья журналиста А. Могучего «Дом, в котором мы живем», в которой, в частности, рассказывалось о препятствиях, которые чинило руководство ДЭЗа № 28 работе хозрасчетной спортивной секции, руководимой Г. Ощепковым.

В ответ на публикацию пришло письмо, подписанное заместителем председателя Кунцевского исполкома т. В. Н. Ивкиным. В письме говорится:

«Районное управление народного образования рассмотрело вопрос о выделении помещения т. Ошепкову Г. Г. для занятий спортивной секции по горнолыжному спорту и приняло решение предоставить для этих целей помещение в школе № 1127. Руководство ПРЭО и исполкома райсовета неоднократно указывали бывшему начальнику ДЭЗ-28 т. Демченкову П. И. на неправильные действия в отношении использования помещения по горнолыжному спорту. При реорганизации ПЖРО и ДЭЗов тов. Демченков П. И. при аттестации на должность начальника РЭУ ПРЭО не утвержден».

Редакция «Горизонта» отвечает на некоторые наиболее часто встречающиеся в письмах читателей вопросы.

Стало трудно купить «Горизонт»: в Москве он бывает не во всех киосках и помалу, в другие города вообще поступает от случая к случаю. Почему не увеличиваете тираж?

Сожалеем, но пока это невозможно — нет бумаги, не хватает производственных мощностей. Тираж в 100 тысяч — «потолок». 24 тысячи идет «на Союз», остальное распространяется в Москве и Московской области. Розничная продажа действительно сократилась, поскольку выросло число подписчиков.

И все же аудитория «Горизонта» в этом году расширится: издательство «Московский рабочий» планирует выпустить сборник, в который войдут наиболее интересные материалы, опубликованные в ежемесячнике.

Не может ли редакция высылать журнал в другие города наложенным платежом?

Нет. Весь тираж поступает в распоряжение Союзпечати. Редакция, кроме небольшого количества авторских и редакционных экземпляров, никакими запасами номеров не располагает.

«Горизонт» выпускает издательство «Московский рабочий». Почему же так мало на его страницах информации о книгах этого издательства?

Во-первых, потому, что «Горизонт» не рекламное издание. Во-вторых, с конца прошлого года начал выходить бюллетень «Ex libris» издательства «Московский рабочий», цель которого как раз заключается в том, чтобы давать информацию о новинках и планах издательства. Бюллетень будет распространяться городскими и областными организациями Всесоюзного общества книголюбов и фирменным магазином издательства «Агитатор» (ул. Чернышевского, 44).

Однако чтобы как-то удовлетворить интерес москвичей, в частности наших читателей, к деятельности «Московского рабочего», редакция «Горизонта» в одном из ближайших номеров планирует поместить беседу нашего корреспондента с директором издательства Д. В. Евдокимовым.

В ноябрьской передаче «Литературно-художественного видеоканала» ЦТ академик В. В. Иванов, говоря о напечатанной в 9-м номере «Горизонта» стенограмме писательского собрания 1958 года, осудившего «поведение» Б. Л. Пастернака, высказал упрек журналу, что он не напечатал письмо самого Бориса Леонидовича. Объясните, почему?

Об этом упреке мы знаем. Дело в том, что, готовя публикацию стенограммы, мы не нашли этого письма. В ЦГАЛИ и в других доступных нам архивохранилищах его нет, нет у родственников и друзей поэта. Судя по рассказу В. В. Иванова, он тоже не располагает текстом.

Мы будем благодарны тому, кто сообщит нам о местонахождении письма.

Будете ли вы еще печатать Лидию Чуковскую?

Да. Лидия Корнеевна дала согласие на публикацию в «Горизонте» своих статей — «Не казнь, но мысль. Но слово» и «Гнев народа».

Очень заинтересовала публикация в 10-м номере живописных работ и фрагмента из книги Маргариты Волиной. Не собирается ли редакция продолжить знакомство читателей с ее творчеством?

Нет. Роман велик по объему, сюжетен, и какие-либо куски дают весьма отдаленное представление о нем. Его стоит печатать целиком — в толстом журнале или книгой.

Что касается живописи М. Волиной, то увидеть в более полном объеме ее можно будет на выставке, которая в ближайшее время откроется в выставочном зале на Калининском проспекте.

Александр Ястребов

НЕВЗЯТАЯ ВЕРШИНА

В печати его называли не иначе как величайшим архитектурно-инженерным сооружением сталинской эпохи. По завершении строительства Дворец Советов должен был стать самой грандиозной рукотворной вершиной, не знающей «равных себе во всем мире, в истории всех времен и народов». И действительно, он мог претендовать на это.

Общая высота 416 м позволила бы обозревать его с расстояния 70 км. Венчающая дворец статуя В. И. Ленина равнялась 100 м. 6 тыс. помещений, способных одновременно принять до 41 тыс. человек. Парадная лестница шириной 113 м. Первоначально даже предполагалось, что в дни празднеств через дворцовые залы будут проходить колонны демонстрантов, танки, автомобили и другая техника. Для него была подготовлена громадная территория, почти в 3 раза превосходившая своими размерами Красную площадь.

В сравнении с Дворцом Советов все признанные человечеством строения — пирамида Хеопса, Кельнский собор, Эйфелева башня — казались бы карликами. Уступал пальму первенства и американский 102-этажный Эмпайр стейт билдинг, считавшийся в то время «королем небоскребов».

В создании Дворца Советов принимала участие вся страна. Академия наук СССР, Комакадемия, десятки различного профиля институтов и лабораторий, других организаций оказались втянутыми в орбиту этого архитектурного гиганта.

Но проект так и остался на бумаге. Напрасными были и многолетний труд советских людей, и гигантские денежные вложения, столь необходимые в предвоенное время народному хозяйству.

Идея же супердворца, подобно сказочному джинну, была стыдливо загнана под водную гладь открытого бассейна «Москва»...

Момент для объявления о сооружении Дворца Советов был выбран, как никогда, удачно. Страна жила энтузиазмом первой пятилетки. Под влиянием больших и малых успехов родилась и укрепилась общенародная вера, что «свободному труженику» по плечу любая самая сложная задача.

21 июля 1931 года, через два дня после опубликования правительственного постановления о конкурсе на проект Дворца Советов, поэт Д. Бедный с репортерской поспешностью напечатал в «Известиях» очередное агитстихотворение — «На высшую ступень»:

Не напрасно один из декретов
Утвердил постройку Дворца Советов.
Стало, очередь за гениальным творцом,
За художником, за архитектором дельным...
Средь Москвы, средь Союзного — не
белокаменного,

А. Л. Ястребов — старший инспектор Главархива СССР. При подготовке публикации использованы материалы Центрального государственного архива народного хозяйства СССР (ф. 552, оп. 1, д. 235, 239), Центрального государственного архива Октябрьской революции (ф. 5451, оп. 18, д. 557), издания 30—40-х годов.

А краснознаменного
Сердце-града
Возводится нами мировая эстрада,
Трибуна трибун,
В героическом взлете стремительно-бурное
Воплощение архитектурное
Пролетарского чуда,
Всесоюзна вышка, откуда
— Назначение вышки не таково ли? —
Мощным кличем не раз на весь мир прогремит
Наших слов динамит,
Динамит нашей творческой воли!

Вслед за этим стихотворением последовал нескончаемый поток статей, будораживших воображение рядовых членов нашего общества. «Поэты называют архитектуру застывшей музыкой. Используя это сравнение, можно сказать, что Дворец Советов — это мощная симфония социалистической эпохи, в могучих и монументальных звуках которой слышится подлинное торжество свободной, дерзновенной и покоряющей все преграды передовой человеческой мысли».

Каким быть Дворцу Советов — обсуждалось всенародно: общественностью, печатью, архитектурными, художественными организациями и обществами. Мнений и предложений было предостаточно.

Для решения вопросов, связанных с окончательной разработкой проекта, 4 июня 1933 года Совет строительства Дворца Советов постановил организовать постоянное архитектурно-техническое совещание. В числе привлеченных были известнейшие деятели советской науки, техники и культуры: Г. М. Кржижановский, А. В. Луначарский, А. М. Горький, И. А. Бродский, В. А. Веснин, В. Э. Мейерхольд, К. С. Станиславский и другие — всего 36 человек.

Постепенно из сотен проектов и отдельных предложений складывалось единое целое.

Нижняя часть Дворца Советов прямоугольная. Она состоит из двух крупных уступов. Перед главным входом, обращенным к Кремлю, памятники К. Марксу и Ф. Энгельсу. Ввысь дворец уходит тремя ритмично нарастающими цилиндрическими массивами. По окружности первого уступа — скульптурные группы, символизирующие независимость и дружбу народов.

На внешних площадках уступов — открытые смотровые террасы, последняя — у подножия В. И. Ленина.

Так, пользуясь терминологией криминалистов, в общих чертах выглядел словесный портрет супердворца, предложенный архитекторами Б. Иофаном, В. Щуко, В. Гельфрейхом. В нем все должно было поражать. Входные двери открывались сами — с помощью фотореле. Скоростные лифты в считанные минуты могли вознести на небывалую высоту. Кондиционеры насыщали воздух запахами моря, соснового бора или ароматом яблоневых садов. В вестибюлях предполагалось установить неведомые в то время (да и по сей день!) широким массам машинки для чистки обуви.

Не менее внушительно дворец выглядел и внутри. Большой зал, под куполом которого свободно могла встать колокольня Ивана Великого, вмещал 21 тыс. человек и предназначался для массовых собраний и съездов. Кресла, расположенные амфитеатром, мыслилось оснастить специальной аппаратурой, позволявшей подсчитывать результаты голосований, держать связь с президиумом, регулировать громкость и

тембр звука. Малый зал был рассчитан на прием 6-тысячной аудитории.

В башенной части над Большим залом собирались разместить залы палат Верховного Совета СССР и его Президиума, а также залы Конституции, Героики гражданской войны, Орденский зал и целую анфиладу других пышно украшенных помещений.

Предстояло заполнить фресковой живописью пространство в 12 тыс. м², создать из меди, бронзы и гипса 19 тыс. м² барельефов, около 250 многофигурных скульптурных групп высотой от 2 до 15 м. Написать маслом огромное количество художественных произведений общей площадью 18 тыс. м². По самым грубым подсчетам, только одна роспись дворца оценивалась примерно в полмиллиарда рублей.

Особое внимание уделялось статуе В. И. Ленина. Надо было выверить, сможет ли 6000-тонная статуя противостоять сильным порывам ветра. Для борьбы с обледенением было предложено подогревать ее электрическим током на 2—5° выше температуры окружающей среды.

В ноябре 1936-го было закончено составление технического проекта, предусматривавшего все вопросы, связанные с постройкой этого грандиозного сооружения. А четыре года спустя, на основе Положения по организации строительства, Дворец Советов получил статут объекта первостепенной важности, ради которого разрешалось жертвовать чем угодно.

«Здание Дворца Советов,— говорилось в Положении,— сооружается на участке набережной Москвы-реки на месте ранее стоявшего храма...

Территория строительной площадки с одной стороны окаймляется Москвой-рекой, с другой — проектируемым проспектом Дворца Советов от Охотного ряда. Площадка с уклоном в сторону Москвы-реки в 0,014.

Здание Дворца Советов, занимая один из центральных районов города, естественно, требует по ходу строительства сноса большого количества зданий и передвижки наиболее ценных из них, как, например, многоэтажных зданий, расположенных по существующему сегодня Саймоновскому проезду, Музея изобразительных искусств по улице Волхонке и др.

Не считая реконструкции площади Дворца Советов, габариты сооружения требуют сноса 155 зданий и передвижки 16».

Недалеко от Кремля, в районе современной Кропоткинской набережной, в 1935 году была огорожена огромная территория. И хотя на высоком заборе не было надписей, москвичи знали, что скрывалось за ним. Уж очень в свое время был разрекламирован и обставлен, как всенародный праздник, взрыв храма Христа Спасителя. Да и сама великая стройка — тоже. На протяжении многих лет сюда вереницей тянулись автомобили с техникой, бетоном, металлической арматурой. С грузовых трамваев и барж на набережную сгружали отлитую в форму сталь и другие необходимые материалы.

Будучи хорошо технически оснащенным, строительство развивалось ударными темпами, и в январе 1938-го было закончено сооружение кладки фундаментов высотной части дворца *. После этого в гигантский котлован были уложены два громадных бетонных кольца диаметром 140 и 160 м, высота их равнялась 21 м. В 1940 году приступили к возведению стального остова здания.

* Этому ответственному этапу предшествовала трудоемкая и сложная работа. Фундаменты проходили через водоносный слой. Для изоляции воды создавалась так называемая битумная завеса. В этих целях было пробурено 900 скважин, а затем в них вставлялись трубы, по которым под большим давлением в почву нагнетался расплавленный жидкий битум температурой 200—300°.

Но дело не ограничивалось лишь строительной площадкой. Тысячи рабочих и специалистов самых разных профессий выполняли правительственные задания по реализации проекта. Только в изготовлении и прокате антикоррозийной стали марки ДС (Дворец Советов), требовавшейся в количестве 220 тыс. т, участвовали коллективы 10 крупнейших металлургических заводов. (Для сравнения скажем, что вес построенного в 1937 году Саратовского моста через Волгу не превышал 11 тыс. т, а на постройку Челябинского тракторного завода ушло не более 12 тыс. т металла.) На 27 карьерах Северного Кавказа и Западной Сибири тщательно отбирался светло-серый гранит, для наружной облицовки здания его нужно было 440 тыс. т, и мрамор, потребность в котором исчислялась 220 тыс. т. (В то же время на отделку первой очереди станций Московского метрополитена было использовано мрамора не больше 20 тыс. м²). Электропромышленность разрабатывала специальную осветительную аппаратуру. Научные институты АН СССР занимались экспериментальными работами в области акустики, радио, кинофикации. Но есть в этом перечне адреса, которые никогда не упоминались в широкой печати. Для удовлетворения потребностей строительства в пиломатериалах необходимо было 7 тыс. м³ древесины, которая доставлялась со станций Коноша, Пукса, Бакарица, Храповицкая...

Цену первого советского небоскреба можно проиллюстрировать перечнем предполагавшихся капиталовложений:

1939 — 84,56 млн. руб.
1940 — 372,44 млн. руб.
1941 — 645,178 млн. руб.
1942 — 711,294 млн. руб.
1943 — 720 млн. руб.
1944 — 775 млн. руб.
1945 — 442 млн. руб. *

Если бы проект Дворца Советов осуществился, то Москва получила бы новый общественно-политический центр, соответствовавший сталинскому представлению о функциональном назначении архитектуры. К дворцу собирались проложить широкие прямые проспекты, а вокруг — устроить внушительные площади. О том, как выглядел бы такой центр, красноречиво рассказывают служебные записки инженера А. И. Шумилина, публикуемые впервые.

В июне 1934 года он составил «Проект оформления центральной части г. Москвы в комплексный памятник В. И. Ленину». Замысел заключался в том, чтобы объединить ряд высших центральных, правительственных, партийных и общественных учреждений в «общую стройную систему, дающих развернутую характеристику основных моментов учения, деятельности и творчества Ленина и являющихся таким изображением основ ленинизма».

*«Внутренняя часть треугольника состоит из трех улиц: бывш. Никольская улица, Ильинка ** и ул. Разина и целого ряда переулков. При перемене названий этих улиц и переулков можно исходить из следующих принципов:*

* Общая стоимость строительно-монтажных работ по зданию дворца и сопровождавшему его строительству (без стоимости проектно-сметных работ) составляла, по предварительным расчетам, 3 931 065 тыс. руб.

** Ныне ул. 25 Октября и ул. Куйбышева.

а) поскольку, по четкому определению Сталина, «ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции», для связи учения Ленина с учением его предшественников трем улицам могут быть даны названия имени Маркса, Энгельса и Гегеля;

б) поскольку при расстановке учреждений мы должны будем придерживаться планового порядка, названия улиц могут быть увязаны с названием тех учреждений, которые на них будут размещены;

в) улицам и переулкам могут быть даны названия в память отдельных событий из периода революции, а также жизни и деятельности В. И. Ленина.

Во всех случаях названия улиц и переулков, входящих в состав треугольника, должны отражать отдельные моменты ленинизма».

Ниже мы приводим вторую главу из сохранившегося в ЦГАОР проекта «Треугольник Ленина». Думаю, она достаточно полно передает суть предложения А. И. Шумилина.

«Положение здания Дворца Советов, обращенного главным фасадом к центральному проспекту, расположение целого ряда учреждений, а также архитектурное оформление общественных зданий открывают большие возможности для привлечения в орбиту новой идеи — создания комплексного памятника Ленину — обширного центрального района.

Если мы внимательно присмотримся к плану Москвы, то увидим, что вся центральная часть города в объеме Кремля и так называемого Китай-города представляет из себя большой, не совсем правильный треугольник; в западном углу этого треугольника будет расположено здание Дворца Советов; северный, несколько скошенный угол находится между Рождественкой и площадью Дзержинского и, наконец, третий — восточный угол попадает в Дворец Труда (быв. Воспитательный дом, Китайский пр., 9/5.— А. Я.) или ВЦСПС. Каждая из трех сторон этого треугольника имеет ясно выраженную физиономию, дает богатый материал для архитектурного оформления и прекрасно увязывается с соседними сторонами треугольника в одно эффектное, идеологически выдержанное целое.

В самом деле: первая сторона треугольника — между Дворцом Советов и площадью Дзержинского — проходит вдоль одной из стен Кремля, где расположены центральные правительственные учреждения; два въезда в Кремль — один через Троицкие и другой через Боровицкие ворота — ведут с этого проспекта в Кремль непосредственно; в центре этого проспекта находится широкий въезд на Красную площадь, с двумя другими воротами в Кремль. Далее на этом проспекте, между ул. Горького и Б. Дмитровкой, строится грандиозное здание Совета Народных Комиссаров, и, наконец, фасадом к этому проспекту будет обращено здание Дворца Советов, которое будет замыкать проспект от центральной части города. Таким образом, этот проспект с сосредоточенными на нем главными центральными правительственными учреждениями и Дворцом Советов может быть назван «Проспект Советов» или «Проспект Правительства СССР».

Переходим теперь ко второй стороне треугольника, расположенной между площадью Дзержинского и площадью Ногина, за которой находится Дворец Труда; когда мы разберем остатки так называемой китайской стены и соединим все три существующих проспекта: Лубянский, Китайский с Новой и Старой площадями в одно целое, то эта сторона треугольника превратится в широкий проспект, который ничем не будет уступать проспекту Правительства; в середине этого проспекта находится здание ЦК ВКП(б), а поэтому мы имеем полное основание дать этому проспекту название «Проспект ВКП(б)» или «Партийный проспект».

Третья сторона треугольника расположена между Дворцом Труда и Дворцом Советов; эта сторона имеет весьма интересное будущее, так как здесь вместо просто Москвы-реки в недалеком будущем потечет Волга — Москва-река; кроме того, эта сторона треугольника имеет две крупные, подлежащие застройке площади — одну на северной и другую — на южной набережных реки; китайская стена, начиная от Дворца Труда до Москворецкой улицы, должна быть сломана и набережная расширена. Обе набережные Москвы-реки, как северная, так и южная, должны быть запланированы вместе с Волгой — Москвой-рекой в один проспект, что вполне возможно благодаря удачному расположению трех имеющихся мостов через реку Москву; на этом проспекте находится здание Дворца Труда, обращенное главным фасадом к проспекту, а потому этот проспект должен быть назван «Проспект Труда» или «Проспект ВЦСПС».

Что же мы имеем? Мы имеем треугольник, состоящий из трех проспектов: «Проспекта Советов», «Проспекта ВКП(б)» и «Проспекта Труда» (или «Проспекта ВЦСПС»), а это и есть как раз тот треугольник (партия, Советы и профсоюз), который положен в основу существующего политического строя, а потому мы имеем полное право всему треугольнику в целом дать название «Треугольный проспект Ленина» или просто «Треугольник Ленина» и сделать из этого треугольника комплексный памятник Ленину, объединяющий в одно компактное законченное целое ряд высших центральных учреждений Союза, отражающих основные моменты ленинизма.

Товарищ Сталин дает следующее определение каждой из этих трех основных организаций и их роли в системе диктатуры пролетариата: «Партия есть основная руководящая сила в системе диктатуры пролетариата».

«Партия есть высшая форма классового объединения пролетариата» (Ленин).

Итак: профсоюзы, как массовая организация пролетариата, связывающая партию с классом прежде всего по линии производственной; Советы — как массовая организация трудящихся, связывающая партию с этими последними прежде всего по линии государственной».

И далее:

«Партия осуществляет диктатуру пролетариата, но она осуществляет ее не непосредственно, а при помощи профсоюзов, через Советы и их разветвления. Без этих «приводов» сколько-нибудь прочная диктатура была бы невозможна»...

Высшие центральные всесоюзные правительственные, партийные и профсоюзные учреждения, составляющие треугольник, по удачной случайности сами расположились по сторонам того исторического треугольника, который является этапом развития города Москвы, и нам остается только зафиксировать, подчеркнуть, оформить, несколько развить и увековечить этот уже имеющийся комплексный памятник Ленину, увязав, таким образом, высшие учреждения в одно гармоническое целое и одну стройную систему.

Зафиксировать это мы можем тем, что дадим всему треугольнику в целом название «Треугольник Ленина» и проспектам соответственно: «Проспект Правительства», «Проспект Партии» и «Проспект Труда»; подчеркнуть можем тем, что, не ограничиваясь постановкой мощной фигуры Ленина на Дворце Советов, после сломки китайской стены, в сквере, находящемся против здания ЦК ВКП(б),— соорудить художе-

ственную скульптурную группу, изображающую, скажем, президиум одного из первых исторических съездов ВКП(б) — с центральной фигурой Ленина, окруженного испытанными, закаленными в боях борцами, вместе с ним выковавшими крепкую, стальную, монолитную партию и, наконец, у Дворца Труда поставить художественную скульптурную фигуру Ленина на будничной работе — произносящего речь на митинге.

Оформить и развить мы можем тем, что идею треугольника Ленина положим в основу выполняемых органами Моссовета работ по планировке и реконструкции центральной части Москвы, все три стороны треугольника, находящегося сейчас в загоне, объединим в одно законченное целое, в единый образцовый проспект (а к этому, как увидим ниже, мы имеем все данные); не трогая имеющих большое историческое и крупное художественное значение кремлевских стен, совершенно очистим проспект от остатков китайгородских стен и загромождающих проспектов, четко и осмысленно расставим высшие центральные, правительственные и профсоюзные учреждения по соответствующим сторонам треугольника, так, чтобы каждый из составляющих треугольник проспектов имел ярко выраженную физиономию; часть старых построек заменим новыми и придадим находящимся на этих проспектах зданиям соответствующее архитектурное оформление.

Все работы по оформлению треугольника должны быть проведены с таким расчетом, чтобы весь треугольник Ленина в целом дал развернутую характеристику основных моментов учения, деятельности и творчества Ленина и явился бы живым изображением основ ленинизма, а это и будет лучшим и наиболее осмысленным памятником Ленину.

Красная площадь свяжет проспект Правительства с проспектом ВЦСПС, и находящийся в центре треугольника Мавзолей Ленина займет центральное место в общей схеме комплексного памятника».

Основные строительные работы по сооружению Дворца Советов намечалось закончить к концу третьей пятилетки, а сдать объект в 1945 году.

Нападение фашистской Германии заставило приостановить начатые работы. Строители, надев солдатские шинели, ушли на фронт. Стальной каркас дворца, достигший уже значительных размеров, в 1942 году был демонтирован и использован при сооружении железнодорожных мостов.

В годы Великой Отечественной войны проект неоднократно перерабатывался. В новых вариантах была принята сокращенная почти на 100 м высота дворца, значительно уменьшился и его объем. Но, несмотря на это, в середине 1948 года стало ясно, что проект реализовываться не будет. Все силы необходимо было бросить на восстановление разрушенного войной. Кроме того, детальное изучение проекта показало, что для должного обзора дворца требовалось снести дополнительно еще ряд густонаселенных кварталов домов. И это — при острейшей нехватке жилья в Москве.

Почти десятилетие гигантскому котловану не могли найти применение. И вот, наконец, в 1958—1960 годах после соответствующей доработки он был превращен в резервуар с громким названием бассейн «Москва»...

Когда-то Дворец Советов связывали с научно-техническими достижениями нашей страны. Сегодня его можно назвать иначе — символом политической амбициозности и неоправданной расточительности.

Нелли Морозова

СВИДЕТЕЛЬ

Имя Евгении Семеновны Гинзбург вряд ли нужно представлять читателям. Лучше, чем кто-либо, о своей жизни и о себе рассказала она сама. В биографических очерках «Город Рабфак, страна Комсомолия», «Единая трудовая» и других, опубликованных в журнале «Юность» в 60-х годах, и прежде всего — в книге «Крутой маршрут», написанной давно и напечатанной на родине только сейчас.

«Это страшная книга,— говорит Анатолий Рыбаков, предваряя публикацию «Крутого маршрута» в журнале «Даугава» (№ 7 за 1988 год),— и это прекрасная книга. Она разверзла перед нами бездну человеческих страданий и показала образец несгибаемости человеческого духа.

Маленькую женщину Евгению Семеновну Гинзбург, мать троих детей, мучили в тюрьмах и лагерях восемнадцать лет. Она выжила, выстояла и рассказала нам, что от нас так долго скрывали.

Эту книгу написал свидетель честный и беспощадный. С каждой страницей он погружает нас в царство беззакония и произвола, в мир унижений, пыток, холода, голода, смерти, в ад великого ужаса, погубивший миллионы людей и внушивший неистребимый страх оставшимся в живых.

И все же мужество и человеческое достоинство оказались сильнее. Они помогли Евгении Гинзбург донести до нас Правду, которую мы должны знать и будем знать, которую мы не должны забывать и не будем никогда».

Мужество и человеческое достоинство сохранила Е. С. Гинзбург до конца. Это подтверждают публикуемые здесь воспоминания, написанные другом Евгении Семеновны — литератором Нелли Александровной Морозовой.

РЕДАКЦИЯ

Удивительная у нее была способность принимать на себя вину. Это осталось в памяти с первого знакомства в Малеевке в шестьдесят восьмом году. Уже много покружили мы по аллеям и многое рассказала Евгения Семеновна из своего скорбного опыта. Финал был неожиданным:

— За одно я благодарю судьбу: нет на мне чужой крови. А могла быть.

— На вас?

— Конечно, могла!

Она стояла на ступенях у пышной колоннады, освещенная солнцем. Манера смотреть исподлобья придавала ее взгляду особую разумность.

— Хунвейбинка была — молодая, самоуверенная. С кафедры чушь несла. И ведь ни тени сомнения в своей правоте. Такое могла натворить, если бы не тюрьма! Бог уберег.

Потом не раз приходилось слышать: «Это я виновата, старая грешница!» Или — вариант: «Дура старая!»

Тут надо было успеть опровергнуть:

— Ну какая же старая, Евгения Семеновна?!

— Конечно, старуха! — с удовольствием повторяла Е. С., зная, что это никак не вяжется с ее обликом, и охотно выслушивала возражения. Если же сомнению подвергалась «грешница», Е. С. становилась серьезной и с неуклонной логикой доказывала: да, виновата, грешна.

Похоже, что это было вызвано потребностью наводить порядок в своей душе с той же педантичностью, с какой она всегда наводила его вокруг себя.

Уже во время последней болезни, как-то в сумерках, Евгения Семеновна, до того, казалось, уснувшая, вдруг нарушила молчание в комнате:

— Вот еще грешна я перед Майкой, падчерицей. От матери родной я ее отклонила. Первая жена Аксенова была, что называется, женщиной русской революции. Они до меня еще разошлись. Но я ее видела. Кожанка, в быту нескладеха. Майка запущенная была. А у нас дом как дом. На теперешний взгляд, конечно, весьма аскетичная обстановка, ничего у нас, по сути, не было. Но атмосфера любви в доме! Детям хорошо было. Я Майку пожалела, взяла. Она привязалась ко мне. Пригрелась.

— В чем тут ваша вина? Что у девочки было хорошее детство?

— Соблазняла я ее, — твердо сказала Е. С. — Понравиться хотела. Пуще родной матери. Когда гланды Майке вырезáли, я ей обещала Чарскую рассказывать. И два дня рассказывала. Помните «Сибирочку»? Ну как же! Там едет молодой офицер по тайге в санях с медвежьей полостью и вдруг слышит плач младенца. А это к ели сверток привязан — подкидыш. Он сиротку спас, воспитывал, потом ее цыгане украли и продали в цирк. Какие она страдания претерпела!.. Мы плакали в три ручья, нет — в четыре! Алеша, старший. И Васька — маленький совсем был, тоже слушал и ревел, на нас глядя. А в конце она замуж вышла за этого офицера, он ее, представьте, не узнал, лишь потом все выяснилось. И что это у нас гонения на Чарскую? Страшнее Чарской зверя нет! А нам всем эти дни, когда Майке гланды вырезали и мы плакали над Чарской, вспоминались чуть ли не как самые счастливые. Соблазняла я Майку.

Сурова к себе была эта мачеха.

здесь, на станциях,— за фигурой фигура; здесь все — индивидуумы; там глаза — неживые; здесь острость, пронзительность и осмысленность взора, определенная уверенность в поступи; ноги, порою босые, спокойно внедряются в дождиком размываемую глину; вот этот вот, в ветхой одежде, в потертой, оборванной малой шапчонке, спокойно, уверенно входит, спокойно садится за стол рядом с «избранной», разодетою, заграничною публикой, не обращая внимания на нее, очень твердо, уверенно требует стакан чая, и, наклонившись ко мне, преспокойно, с достоинством прикуривает от моей папиросы; в глазах — та же осмысленность; и ощущается обладатель чего-то такого, чего не хватает берлинцу; тот — выбрит, культурно одет (в котелке и с сигарой во рту), а в лице неуверенность: помесь злости и робости по отношению ко мне, иностранцу; меня он боится в стране у себя; и оттого-то, боясь, ненавидит; а этот молодчик в опорках, спокойно сидящий со мной, иностранцем по виду, за столиком,— нет, не боится меня; и оттого-то без всякой предвзятости вступит со мной в разговор он; да, этого не опрокинут толчки и удары судьбы, пред которой робеет берлинец; хоть двадцать толчков,— этот серый крестьянин, с таким независимым видом идущий к вагону, их вынесет: все-таки сядет в вагон и доедет до места, куда взял билет; там проделает что-то; и снова вернется к себе — восвояси...

На остановке мой спутник дорожный вытаскивает аппарат, собираясь снять меня; к нам подходит дежурный солдат, предупреждая нас вежливо: «В поезде запрещаются снимки...» — «Послушайте, я снимаю не местность; позвольте наставить мне аппарат,— вот сюда...» — «Ну, уж ладно: снимайте...» Меж нами завязывается разговор: и солдат, очевидно играющий роль былого жандарма, осмысленно и с живым интересом расспрашивает про Берлин: «Ну, как там? Революция будет?» Мы разговариваемся... Звонок: мы прощаемся. У солдата все та же уверенность; и все те же живые глаза; я в Берлине не видел их.

Гордые, крепкие, свежие лица: живые глаза. И в Москве — то же самое.

Я все первые дни по приезде в Москву проводил на московских, совсем не блистающих чистотой тротуарах, кой-где исковыренных и кой-где починен-

Калужская (ныне Октябрьская) площадь. *1920-е гг.*

Реконструкция Арбата

ных, впивая глазами в себя москвичей; ощущение бодрости, твердой почвы, уверенности — и движений, и поз, контрастирующих с неказистой порою одеждой (опять по сравнению с Берлином); уверенность появилась теперь: в 21 году ее не было; и перепуганный взгляд исподлобья пропал; всюду взоры — прямые, открытые: головы как-то закидывать стали: не гнут их; пропала угрюмость и пустота серых улиц; они — переполнены; и они — так пестры от цветных новых вывесок и от продуктов, глядящих из окон; пропала унылого серого цвета шинель; и — кипящее, суетливое пробегание, промелькание пролеток, фырчанье авто; да, такого движения не было в годы войны, до войны; поредела и серого цвета шинель в пестроте азиатской одежды; ее заменила опрятная и художественно-изящная форма красноармейца; приглядываясь, отмечаешь: как много достигнуто в смысле опрятности и порядка; в трамваях — порядок, конечно же, больший, чем в сером Берлине; вокзалы — чисты: чистотою своею поражают кафе и пивные; не видно огромных, в Берлине обычных, хвостов перед лавками.

Уверенность и присутствие твердой почвы — вот первое впечатление от Москвы; этой почвы в Берлине нет вовсе: царит неуверенность; темп разговоров московских на улице — быстрый; и меткое, четкое слово отрывисто пересекает пространство по всем направлениям; в Берлине слова, выражения, прибаутки — пошлы, обыденны, всеобщи, неубедительны, стары; в Москве речь — ядреная, индивидуальная, брызжащая умом и здоровьем; московская улица много умнее берлинской.

Вот — я на Арбате: два года назад он был грязен, запущен, серея облупленными стенами без вывесок; ныне — ряд вывесок новых; в Берлине все вывески старые, за исключением новых русских (аптека «Феррейн», на Megstrasse, а вот ресторан «Оливье», русский — там же); Москва изжила уже два облика улиц, хотя бы Арбат; был когда-то он вывесками сияющей улицей; после лупились без вывесок стены его; теперь вновь: ряды вывесок; новые — все: где под черною с золотом вывеской богател Шафоростова колониальный магазин, синеет огромною вывескою «Цекубу»; где ютился Горшков, там — пивная: перемещенья повсюду; кой-где лишь знакомые имена: «Оптик Громов» иль «Брабец».

Окончание на 3-ей стороне обложки

Тема Чарской возникала не раз, и Е. С. очень не жаловала критиков, искоренивших эту писательницу.

— Сентиментально, видите ли. Так ведь для детей писала. Сначала надо к сердцу детскому обращаться, а потом уж к уму. Когда еще ум разобраться сможет, а сердце уже сострадать научено. Больше всего боялись сострадания и жалости. Заметьте, сознательно безжалостных воспитывали. В школе после революции мы всё какие-то баррикады, тюрьмы рисовали на уроках. Помню, я срисовывала острог, в котором сидели декабристы,— глухой забор, ни деревца, ни травинки. Я вдруг представила, каково там узникам жить, и так мне их жалко стало — до слез. Я взяла и нарисовала птиц в небе. Учитель спрашивает: «А это откуда? На картинке нету».— «Птицы,— говорю,— мои — чтоб узникам не так скучно было». Он вздохнул, погладил меня по волосам и отошел. В голову не могло прийти, что это судьбу я свою рисовала — острог, да такой, что и птиц не увидишь. А мальчишки должны были мастерить модель гильотины. Подумайте — гильотины! А помните вы «Княжну Джаваху»?

Читая ее собственную книгу, поражаешься, как сразу отрезвела после ареста Евгения Семеновна, как зорко огляделась, как верно вел ее инстинкт: ведь в тюрьме-то легче легкого было запятнать себя чужой кровью, когда смешаны еще все понятия и представления — где свои, где чужие, где друзья, где враги. Ум? Конечно, ум! Но в тогдашней тюремной мешанине безотказно сработала нравственная основа, в которой пусть самую крохотную роль, но сыграла... и Чарская, судя по тому, как часто о ней поговаривала Евгения Семеновна

О силе этой нравственной основы свидетельствует особым образом словарь Е. С. Газетная работа и два десятилетия тюрем и лагерей почти не отразились на нем. Она не употребляла никогда словесных штампов и лагерного жаргона, разве что ради подлинности или юмористического эффекта. И она обладала редким умением возвращать старомодному, стертому или скомпрометированному с точки зрения «новой морали» слову его первозданный, свежий смысл. Она любила и часто употребляла слово «жалость». Когда в дни ее последней болезни Вася *, сын, уехал на несколько дней, она после долгого гордого молчания сказала:

— Вася меня б о л ь ш е не жалеет.

— Евгения Семеновна, он вас любит!

— Когда любят — жалеют. А он уехал.

Вася вернулся с полдороги. Опять не сразу:

— Вася меня пожалел. Любит.

Слово «бессовестный» в ее устах звучало: человек б е з совести.

---

* Василий Аксенов — писатель, сын Е. С. Гинзбург. Эмигрировал в 1980 году.

— Какой бессовестный! — с удивлением промолвила она, выслушав статью Катаева «Хочу мира».— Нет, пора перестать отвечать на поклоны. Я не люблю это: здороваться — не здороваться, старый человек снимает шляпу, невоспитанно не ответить, но тут...

Продемонстрировать свою «невоспитанность» она уже не успела.

Однажды мы вели ее под руки от кровати к уборной — три шага в ее тесной квартире — медленно, с остановками.

— Девочки, у вас руки, как у сестер милосердия.

Мило-сердие. Это прозвучало полновесным укором монстрам от медицины, которых она навидалась.

Этой медицины, больницы Е. С. боялась люто. Почти как тюрьмы. И это сыграло роковую роль в ходе ее болезни. Полтора года скрывала она от сына и друзей, что у нее опухоль. Когда открылась, болезнь уже была крайне запущена. На растерянные вопросы, как такое могло случиться, отвечала:

— Да боялась я! Попадись этим врачам в руки — и себе принадлежать не будешь. Распорядятся, как хотят. Хватит, нараспоряжались мною. О больнице не говорите, не говорите — слышать не хочу!

От операции отказалась наотрез. После долгих уговоров согласилась лечь в клинику на сеансы облучения. Но выдержала недолго.

— Как услышу утром: «Жень-щины! На уколы!» — так внутри все перевернет — ну барак родимый! Интонации-то у них лагерные. Оно и понятно: власть. Там — над зе́ками, здесь — над слабыми, больными. А я ведь привилегированного положения удостоилась, в палате на две койки. На второй все время тяжелобольные менялись. Ухаживала за ними я. Тоже лагерный расчет, чтобы больные друг за другом ухаживали из последних силенок. Всякий боится вот так беспомощным оказаться, всякий судьбу задабривает. И разве я могу равнодушно смотреть, как рядом со мною человек мучается? А медсестра может. Ее не дозовешься, а дозовешься — не обрадуешься. Хорошо, если не обругает. Я три ночи не спала, старухе все судно подавала, рвало ее. Под утро она уснет, а я в коридоре на стуле сижу, в палату войти не могу — вонь. Потом обливаюсь, сердце ходуном ходит. Думаю: да что же это я им добровольно далась? А врач-то, врач каков! Перед тем как сеансы назначить, осмотрела меня и говорит: «И с таким сердцем вы еще собираетесь облучаться? А помрете во время сеанса, мне отвечать?» Чем не надзирательница? С клятвой Гиппократа...

Е. С. вернулась домой, Вася ежедневно возил ее на сеансы рентгена. Пользовали ее дома врачи из тех святых подвижников, усилиями которых медицина едва сохраняет свое лицо *. Присылаемое из-за границы лекарство и облучение сотворили чудо: отогнали болезнь, вернули Е. С. к ее интенсивной жизни, к сказочному повороту судьбы — Парижу, а друзьям подарили два года ее живой прелести.

* Мне известны имена двух врачей — Б. М. Бляхман и Г. Д. Захаренко.

Больная ли, здоровая, в дурном ли, хорошем расположении духа, Е. С. все время была в единоборстве со зловещей славы Архипелагом ГУЛАГ. Она и отталкивалась от него, и не могла с ним расстаться. Она вытравляла его работой, написала книгу, рассказала о своем пути по его островам, о сотнях других судеб, но вставали иные, еще не рассказанные. А она всегда знала свой главный долг: не забыть ничего. Она была гением памяти. Помнила все когда-либо прочитанное. Стихи — до альбомных, до самых детских, прозу как стихи — десятками страниц наизусть. Помнила все увиденное, особенно в ГУЛАГе,— события, эпизоды, разговоры, отдельные фразы. И она осталась жива. Значит, прежде всего она — Свидетель. И все же Е. С., очевидно, испытывала потребность сопротивляться этому мрачному грузу. Просто как человек редкого душевного и физического здоровья.

Она жила жизнью духа, побуждала к ней всех около себя, умела талантливо радоваться простым проявлениям бытия, ее почти никогда не покидала способность увидеть смешное и шуткой разрядить напряжение. Но самую все же подлинную радость — и не шутки, а сарказм у нее вызывало все, что касалось поражения ГУЛАГа.

Всегда она возвращалась к нему.

Ее излюбленная скамья в переделкинском саду — как раз напротив Дома творчества, где в открытые окна слышно каждое слово. Е. С. мгновенно окружают почитатели. Разговор может идти о чем угодно — об изменчивости нравов или даже моды. Но кончается неизбежно каторжными рассказами. Похоже, она хочет, чтоб не вошедшие в книги рассказы эти остались в памяти многих. Она п р и г л а ш а е т в свидетели. Если сказать ей об опасности такого поведения или определенного человека, о котором говорят... она отмахнется:

— О ком не говорят? Ведь это задумано так, чтоб все боялись всех.— А наедине с тайной гордостью: — Вот обо мне никогда никто этого не говорил! (Ошибается — говорили. К счастью, не узнала.) Даже в лагере, когда одну бытовичку заподозрили, что стучит, и стали бить, она кричала: «Неправда это, неправда! Мне сама Женя читала свои стихи! Мне Женя доверяла!»

Эту доверчивость, как нравственный принцип: лучше нарваться на стукача, чем запятнать подозрением порядочного человека и лишиться радости общения с ним, не мог истребить весь опыт лагерей. Зато награда — каторжные дружбы, чтимые, как победы над ГУЛАГом.

Преувеличением было бы сказать, что она не боялась всеслышащего уха. На нее накатывали приступы страха, иногда раскаяния в своей неосторожности, но очень скоро она начинала это в себе п р е з и р а т ь, и снова:

— О ком не говорят! Это — чтобы растлить души страхом.

О ее страхе, загнанном внутрь, говорит ее отношение к эпизоду, который случился в последние ее дни. Дверь в квартиру не запиралась, потому что Е. С. не могла подойти отворить на звонок. Сын и друзья входили без звонка. Однажды Е. С. очнулась от дремоты и увидела в комнате человека в военной форме. «Кто вы? Зачем пришли?» Он ответил что-то невнятное: мол, сосед, забрел справиться, не нужно ли чего... «Уходите. Видите, я больна. Вас не знаю. Не могу разговаривать. Уходите же!» Странный «сосед» все медлил, оглядывал стены, наконец убрался.

— Это, помните, как у Моцарта? Смерть моя приходила за мной. Там — черный человек, а тут — в голубом околыше. Какая же еще может быть у меня смерть?

И до конца своих дней придирчиво изгоняла из своего быта, своей внешности, души малейшее подобие лагерных дней, самою тень их. Подчеркиваю — не из памяти.

Ревниво оберегаемое право жить одной в своей отдельной однокомнатной квартирке. Гордость этой квартирой. Гордость, поколебленная после Парижа.

— Всё уговаривали меня эмигранты остаться. Я говорю: как я могу жить без друзей, без моих каторжан? Да и квартира у меня отдельная на первом этаже. А они: «Знаем мы вашу квартиру, ваш первый этаж. Не первый, а — рю де шоссе». На рю де шоссе живу, оказывается! А я-то гордилась.

Эта гордость отдельной квартирой свойственна почти всем советским людям — детям коммуналок. А вот когда врачи нашли опасным оставлять ее на ночь одну и Вася попробовал как-то переночевать на диване, она твердо сказала:

— Поставь, пожалуйста, чашку с водой на салфетку, лекарство — на блюдце, погаси верхний свет. Все. Иди. Спокойной ночи.

Это уже другое. Это после барачных нар на сто человек. Это нежелание уступить так поздно обретенное право раздеваться и спать без посторонних глаз, даже если это глаза родного сына.

Ее непобедимая женственность.

— Евгения Семеновна, какие красивые у вас руки.

Она отстраненно посмотрела на свои маленькие руки:

— Да! Сама не могу поверить, что они кайлили землю. Кайло тяжелое, подниму, потом не опущу, а просто вся упаду на него, и хоть бы что! Лишь оцарапаю вечную мерзлоту.

Раздвинула пальцы. У ее руки даже не женское, а какое-то детское выражение.

Потом Хильда Ангарова, литературная переводчица с немецкого, которая жила зимой на одной даче с Е. С., в случайном разговоре обмолвилась:

— Вот пример следить за собой — Женья. Она каждое утро обязательно натирала руки кремом по самые плечи.

Как-то раз, сидя на постели и вытянув на стул слегка опухшие, скованные неподвижностью ноги, Е. С. огорченно вздохнула:

— Бедные мои ноженьки! А ведь как верно служили! Быстро бегали, уносили от начальства, от беды, сколько раз жизнь спасали, а теперь догнала меня Колыма. Это все она, родимая, она, проклятая...

Е. С. была твердо убеждена, что болезнь — догнавшая ее Колыма.

— Подумать: в тридцать лет переставали женщинами быть. Лесорубы в тайге, землекопы в вечной мерзлоте, грузчики в карьерах — разве это женщины? Физиология, природа сама протестовала. Потом вроде ожила. А теперь обернулось вот чем.

Педантизм Е. С., вошедший в поговорку, над которым она сама охотно подшучивала. И правда: принимал он иногда забавные формы, а потом открывалась драматическая подоплека. Взять знаменитую сумочку Е. С., без которой невозможно было представить ее вне дома.

— Евгения Семеновна, дайте вашу сумку — я понесу.

— Нет-нет, спасибо.

— Да почему же?

— Она всегда должна быть у меня в руках. Иначе могу отвыкнуть и, не дай бог, забуду. Там паспорт.

Вот оно что! Зёковское благоговейное отношение к «документу». Его она не могла перебороть.

— Многие думают, что педантизм у меня от мужа-немца, а он мой, прирожденный. Сержусь на себя иногда, а в лагере без этого пропала бы. Свой собственный строгий режим и привычка к внутренней дисциплине спасли меня. А как другим тяжело приходилось! Как ломались люди! Ужас. Конечно, мелочами донимаю и себя и окружающих. Да что поделать? Ведь и теперь пропала бы, не будь у меня строгого режима дня.

Этот режим знали все близкие и в часы занятий старались не докучать.

С утра — душ. Завтрак. Работа за письменным столом до часу дня. Прогулка с кем-нибудь из друзей. (Этот распорядок был слегка изменен в переделкинскую зиму: после работы — часовое чтение вслух Миме Гребневой *, которая тогда перенесла неудачную глазную операцию.) В два — обед. И «выход в эфир». По транзистору она ловила голоса мира, впитывала животрепещущие события. Потом чтение или работа. Снова прогулка. Снова транзистор. Вечером к восьми можно приходить.

---

* Н. М. Гребнева — художник книги.

В Москве по субботам за чайным столом с пряником и конфетами собирались старые друзья — каторжане, и новые. Приходили получить духовный заряд, узнать политические, литературные и иные новости, взглянуть на них ее здравым взглядом, за поддержкой — как она умела слушать, сочувствовать: вдруг разом вся превращалась в сочувствие, в ее глазах загорался умный свет, вот сейчас она скажет, как помочь горю. Или найдет именно те слова, которые утешат человека. Или шуткой снимет страх:

— Когда это случилось? В воскресенье? Ну, в воскресенье они не работают, не подслушивают. Надо же отдохнуть и выпить. Что они, не люди? И вообще исхалтурились, как и все кругом. Так что опасения ваши напрасны.

Приходили за теплом. Но и ей несли тепло. У нее было несколько очень верных друзей. Е. С. любила их и ценила субботние вечера. Надевала нарядную кружевную блузку и становилась похожей на вдовствующую королеву. При появлении каждого нового гостя она сдержанно сияла, уголки глаз ее ползли вверх и проступал невесть откуда взявшийся татарский их разрез. К заботам друзей о ней самой Е. С. относилась с какой-то вдумчивой благодарностью и большой щепетильностью. Бывала недовольна, когда за приносимые продукты (сама за ними уже ходить не могла) не хотели брать деньги:

— Нет, это нехорошо. Я ведь могу заплатить. У меня пенсия. Не каторжанка какая-нибудь! — Последнее с серьезным лицом, лишь в голосе ироническое достоинство.

Иногда Е. С. досадовала, если друзья по-своему пытались улучшить ее быт. Например, купить книжные полки, чтобы освободить пианино от растущей груды книг.

— Нет. Вот выйдет Тонька замуж — тогда.

Тоню она удочерила совсем маленькой, будучи ссыльной в Магадане. На этот раз никого не «соблазняла», сама, нищая и бесправная, была соблазнена тем, что девочка назвала ее «мама». Тоня выросла и стала актрисой.

— При чем тут Тоня? Какое она имеет отношение к полкам?..

— Когда Тонька выйдет замуж, я отдам ей пианино. Тогда освободится место для полок,— терпеливо разъясняет Е. С.

Груда на пианино растет, и упаси бог нарушить чередование книг в ней, ведомое лишь самой Е. С.

Та же история со шкафчиком на кухне. Е. С. никак нельзя уговорить повесить добавочный, хотя на подоконнике громоздятся чисто промытые банки и посуда:

— Некрасиво будет, я знаю. Взгляд упрется из коридора в этот шкафчик.

Наконец Мирра Абрамовна *, преданно заботившаяся об Е. С., привезла шкафчик на свой страх и риск, а Георгий Иванович ** — близкий друг, тоже бывший каторжанин, стал прибивать его. Е. С. уже больная, лежа на постели, морщилась:

— И чего стучит? Все равно ведь смотреть не смогу.

— Консерватор вы, Евгения Семеновна.

— Это верно. Очень противно?

Шкафчик прибили. На стенку, видную из коридора, повесили синюю голландскую тарелочку. Е. С. повели под руки в ванную. В коридоре она опасливо повернула голову, удивилась:

— Правда красиво. Спасибо.

Подобное неприятие перемен в раз заведенном порядке у другого человека могло бы и раздражать. У нее, прошедшей школу жестокого абсурда и вопиющего нарушения миропорядка, оно воспринималось как протест против этого и восхищало.

Еще Е. С. вынесла из своего жизненного опыта терпимость и способность уважительно выслушивать чужое мнение. Все знают, до какого ожесточения доходили в лагерных спорах.

Вчерашние друзья, делившие смертельную опасность, становились смертельными врагами из-за несогласия в политических мнениях. И разве только в лагерях? А после?

Е. С. это глубоко огорчало.

— Мало им настоящей вражды в этом мире. Из-за такой ерунды! Услышать бы им друг друга, и поняли бы, что никакого разногласия и в помине нет.

Ее уговоры все же иногда смиряли страсти. Самое Е. С. никак нельзя назвать бесстрастной. Она была страстным и пристрастным человеком, но умела владеть собой, и всегда был интерес к другому, думающему иначе. А еще — жалость.

— Да что же это с Левушкой?! *** Ведь на редкость добр, а так распалил себя... Придется поговорить.

Ту же нетерпимость, что и дома, подметила Е. С. в парижской эмиграции в пору ее приезда туда.

— Все что-то ссорятся. Что-то простить не могут. Быть может, это чисто русская черта? Русская невоспитанность? Неумение выслушать? Выдумывать обиды? Так мне жалко было, так хотелось помирить всех. Да я и пыталась.

У себя в доме Е. С. старалась не допускать яростных споров.

---

* М. А. Розенталь — инженер.

** Г. И. Меншиков — инженер-строитель, безвинно проведший в ГУЛАГе 16 лет.

*** Л. З. Копелев — филолог-германист, писатель. Эмигрировал в 1980 году.

Как-то Рой Медведев *, которого Е. С. любила, разгорячился не в меру. Е. С., не повышая голоса, в своей шутливо-серьезной манере:

— Хотите видеть восьмое чудо света — живого неомарксиста?

Медведев умолк, смущенно улыбаясь. Е. С. взяла его за рукав:

— Вот. Можете даже потрогать.

Все засмеялись. Тон спора стал ниже.

Однажды Е. С. сказала:

— Сегодня будет анархистка-троцкистка. Да, представьте, такой гибрид. То есть сначала она была анархистка, а потом неведомо как из этой скорлупы вылупилась троцкистка. Вместе в лагере были. Старуха уже, за восемьдесят. Не обидеть бы...

Старушка на вид была симпатичная, мирная. Но очень скоро начался «Лев Давыдович» через каждые две фразы. Неожиданно не выдержала сама Е. С.

— Он ведь, кажется, был за скоростную индустриализацию? — тихо спросила она.

— Разумеется! Он сразу увидел главное звено...

— А страна крестьянская?

— Но капиталистическое окружение не позволяло...

— И кажется, он сказал, что без концлагерей на социализме надо поставить крест?

— Да, но вспомните то время, сразу после разрухи...

— Сталин, кажется, тоже умел менять лозунги соответственно нуждам времени? Какая же разница между вашим обожаемым и вашим ненавистным?

Старушка внутри явно рухнула. Легкая победа не доставила радости Е. С. Когда гостья, сбитая с толку, но порозовевшая от интеллектуального общения, ушла, Е. С. улыбнулась виновато:

— Тяжело видеть разрушения. Особенно разума. Не приведи Бог. Боюсь этого, кажется, больше всего.

Со стороны было хорошо видно, что это ей не грозило. Ум Е. С. был удивительно, неправдоподобно молод по способности воспринимать, оценивать и запоминать.

Когда болезнь отступила, Е. С. поделилась по телефону радостью:

— Выздоравливаю. Знаете, набросилась на книги. Жадность прямо-таки одолела — учиться. Вижу, как много не знаю. А запоминаю легко. В пору в университет, так бы у меня сейчас пошло! Только вот какой факультет выбрать? Философский? Исторический? Лекции по богословию послушать, а? Вы читали Павла Флоренского?

При независимости Е. С. в суждениях и поступках очень неожиданным был ее постоянный соблазн учиться у других. Тому, что, ей казалось, другие умеют лучше. И в серьезном, и в пустяшном.

* Р. А. Медведев — историк, писатель.

С почтительным вниманием разглядывает силуэты из древесной коры, вырезанные одной писательницей:

— Подумать, какие красивые вещи! Вот, кажется, арлекин? А это леший? Причудливая у вас фантазия. Как вы угадываете, что̀ можно сделать?

— Это очень просто, Евгения Семеновна. Форма каждого кусочка, сами линии ведут вас...

— Ну меня бы они далеко завели! — засмеялась Е. С.— В этом отношении я совершенно бездарна и лишена вкуса. Вот у моего Васи и у Тоньки, у них прирожденный вкус. Это в крови.— И с сожалением: — Этому не научишься.

Еще во время первого налета болезни Е. С. рассказывала:

— У моего Антона Яковлевича * в лагерной больничке бишоф лежал, рак у него был. Чудесный старик, кротчайший, просто святой. Попал к нашим в плен.

— Бишоф — это фамилия или сан?

— Нет, не фамилия, настоящий бишоф, епископ. Я думала, уж к епископу должны были хоть с каким-то почтением отнестись, нет — еще хуже досталось. И ни капли злобы у него в душе не было. Все за других молился. Антон ему всеми правдами и неправдами доставал наркотики. Бишоф всякий раз спрашивал: «А для других больных это лекарство есть? Другим уколы уже сделали? А то ведь страдания нестерпимые».

Одно старика, оказывается, мучило — что примет смерть без католического обряда. Когда Антон сказал, что знает обряд, так счастлив был, все последние дни счастлив был.

— Вот у кого умирать надо учиться,— закончила Е. С.

Самой ей предстояло прожить еще два года. Она прожила их так, что у всех, кто был рядом, осталось желание учиться жить у нее. Она благодарно жила. Она ценила дни. Близость сына, свои дружбы. Тем, кто сидел с ней в саду, казалось, что она безмятежно, «часов не наблюдая», наслаждается небом, деревьями, солнцем. А между тем распорядок дня был прежним. До этого — часы работы. Просто во время отдыха она давала себе волю.

Сущее наслаждение было оказаться рядом с Е. С. в кино. Она по-детски отдавалась происходившему на экране, громко ахала, делилась с соседом опасениями («Он бросит ее! Вот увидите... Негодяй!»), сплошь и рядом не угадывая сюжетных ходов. Перед вами была простодушная провинциалка. Выйдя после сеанса на свет, она продолжала вслух переживать невзгоды героев, но ум и логика вступали в свои права.

* А. Я. Вальтер — второй муж Е. С., немец по происхождению, врач из заключенных в лагере.

Одной-двумя критическими фразами она могла перечеркнуть все авторские построения.

А главное — духовная напряженность ее жизни в эти два года, казалось, не знала пределов.

Так и видишь ее над стопой книг, открывающей заложенную страницу:

— Вот послушайте...

Ее темную голову — почти без седых волос — приникшей к приемнику, умный, сосредоточенный взгляд исподлобья.

Пишущая машинка убиралась с круглого стола только в субботние вечера.

И все шло ей впрок. Все давало пищу уму и сердцу.

Париж был не только подарком судьбы. Он угадывался п р е д н а ч е р т а н и е м. Сама Е. С. это ощущала:

— Хороша крутизна маршрута, а? Вот если пустят, съезжу, напишу продолжение «Крутого маршрута», назову «Колыма — Париж».

«Если пустят». Она не верила этому. И надеялась. И опять не верила:

— Не пустят. С моей-то биографией. Ни за что не пустят.

И обновляла свой французский.

Истомилась она ожиданием, пока Вася обивал пороги высоких инстанций. Сама больше всего боялась идти в свою парторганизацию.

— Не съедят же они вас!

— Съесть не съедят, пожалуй. Зубы не те. Однако не пустят. Я туда не хожу, говорю — больная. А в Париж ехать, скажут, не больная?

— Лечиться едете!

— Да разве им втолкуешь? Там же сплошные старбо̀лы. «Ишь ты, в Париж — лечиться! Что, наша советская медицина, выходит, хуже буржуазной?» И говорить-то я с ними боюсь. Отвыкла.

Но когда понадобилось, поговорила прекрасно. Вернулась оживленная:

— Оказалась политически подкованной! В курсе международного положения. Но — старбо̀лы! Один старикашка все в толк не мог взять: как это, говорит, у вас фамилия Гинзбург, а у вашего сына — Аксенов? Я объясняю, что фамилия мужа Аксенов, а я сохранила свою, так было в моде тогда у вас же, партработников. А он свое: «Как в Париже на это посмотрят, мать — Гинзбург, а сын — Аксенов?» Тут один генерал не выдержал: «Товарищ Гинзбург проявила политическую грамотность, пострадала от культа личности, теперь больна, нужно помочь товарищу поехать лечиться». Кажется, всё, согласились. Нет, еще один божий одуванчик: «Откуда взялся у вас родственник в Париже, в анкете небось не указывали?» Я сделала большие глаза, всплеснула руками: «Как снег на голову! Мы думали, его давно в живых нет. А он как снег на голову!»

Рассказывая, Е. С. тоже всплеснула руками. И вдруг из нее явно выглянула зе́чка, обводящая вокруг пальца ку́ма.

В день отъезда, за час до условленного, Е. С. сидела на лавочке с чемоданом и неизменной сумочкой на коленях.

Потом сумочка юмористически фигурировала в ее европейских рассказах:

— Пересекаем мы на машине бельгийскую границу. Сама себе не верю сейчас. Я — в Бельгии. Пограничник спрашивает Васю, кто он такой. «Русский писатель».— «Соложеницкер!» — вопит бельгиец. И они с Васькой начинают болтать по-английски. А я из сумочки — на коленях, конечно! — достаю паспорта: «Вот наши документы!» Васька огрызнулся: «Кому нужны твои документы? Кто их у тебя спрашивает?» Правда — никто. Я потом всякий раз себе в уме твердила: «Сиди спокойно, не открывай сумочки!» А рука сама тянется.

Из Парижа Е. С. вернулась красивая, со сверкающим взором. Нагруженная чемоданами подарков. Вот еще одна поздно пришедшая радость — дарить *.

Теперь, после Франции, она одела Тоню «во все парижское». И сама оделась впервые в жизни по своему, вернее Васиному, вкусу, который она немного умеряла. Больше всего она боялась оказаться одетой не по возрасту. Но когда чувствовала, что одета красиво и кстати, не скрывала удовольствия.

Помнится, вскоре по приезде медлила на высоком крыльце поликлиники в парижском пальто, с шапочкой и перчатками в тон, и явно было — очень хотелось, чтобы побольше знакомых ее увидели и восхитились.

Большая часть чемоданов была набита подарками для друзей, особенно каторжных.

— Знаете, как я покупала подарки? По телефонной книжке. Это я сама догадалась. Очень удобно. Никого не забудешь.

Подарки были куплены с царской щедростью. Е. С. упивалась открытым ею наслаждением. Очередному гостю вручался подарок, и она ревниво следила, как раскрывался нарядный пакет, какое впечатление производило его содержимое: нравится ли, угодила ли?

— Евгения Семеновна, вы просто Санта Клаус.

— Какой там Санта Клаус! Дед Мороз я.

— Ну откуда Деду Морозу взять такие подарки?

— Пожалуй! — засмеялась.— И ведь как в магазинах бросаются услужить. То ли это оскал капитализма у них, то ли галантный фран-

* Е. С. в Париже получила гонорар от итальянского издательства за свою книгу.

цузский характер. По глазам угадывают, что собираешься взять, и моментально — пальцы порхают, а не работают — элегантный пакет, роскошный бант: «Мерси, мадам!», «Оревуар, мадам!».

С той же щедростью, что и подарками, она оделяла друзей своими европейскими впечатлениями. Постепенно, в повторных рассказах что-то отсеивается, отстаивается и начинает угадываться направление будущей работы. Свидетель вступает в свои владения. Кажется, она не была провинциалкой в Париже. Во всяком случае, как ни взволнована она была свиданием со «священными камнями Европы», как взахлеб ни дышала прославленным воздухом Парижа, многое успели разглядеть ее ясные глаза, и помогало ей в этом изощренное чутье зечки.

Она успела написать довольно большую часть своих путевых заметок «Колыма — Париж». Хочется поведать о впечатлении, которое она оставляла сама в это счастливое свое время, и хотя бы о малой части ее рассказов.

— Когда после путешествия по Европе мы вернулись в Париж, в тот же отель, портье спросил: «Не угодно ли мадам переменить номер? Тот, где вы жили прежде, шумный, окна выходят на стройку...» Мадам НЕ было угодно.

В ее интонации сложная игра. Она, зечка,— мадам?

Разве слово «мадам» вмещает ее судьбу, ее путь Колыма — Париж — Колыма (уже догнавшая болезнью?). Разве мадам приходилось отстаивать отнятое право на физическую чистоту? (Отсюда неукоснительный почти до последнего дня утренний душ без свидетелей и помощников — обретенное право! — приводящий в ужас врачей и близких.) Разве мадам носила чуть ли не двадцать лет тряпье бесполого оборванца? И разве каторжанка, «преступница», как одержимая, шептала стихи — свои и чужие — в бараке звероподобных блатнячек, лишь бы не забыть о мире одухотворенных существ и благородных зверей? («Послушай: далеко, далеко, на озере Чад изысканный бродит жираф».) И разве каторжанка примеряла манто в парижском магазине и выпытывала у своего отражения — кто же она? — остро ощутив в себе в этот миг совмещение несовместимого?

Отсюда пронзительность оговорки в рассказе об этом празднике, который отнюдь не всегда был с ней, а только в самом конце. Счастливом празднике, трагически освещающем «этапы большого пути».

— Входишь в отель, портье сразу же: «Мадам, джус, оранжад?», «Оранжад, пожалуйста!». И приносят прямо в камеру!

Так вот, возвращаясь к этой «камере» в отеле:

— Вы думаете, почему мне не было угодно переехать? Портье-то я сказала, что по природе своей — консерватор, привыкаю к обстановке. А дело как раз в том, что номер выходил на стройку. И я наблюдала, любовалась, как это у них делается, у французов, в их капиталистических джунглях. Приезжают рабочие на машинах. Один привозил с собой великолепного дога, собака выпрыгивала из машины, садилась в тени и ждала хозяина, пока он работал. Но это была не работа — игра! Или танец. Работали краны, а человеческие фигурки двигались легко, изящно, без усилий. И я вспоминала стройку, на которой работала в Магадане. Мы снизу по наклонным доскам поднимались с носилками кирпичей. Чем выше росли этажи, тем опасней становилась эта игра. Наверху нужно было пройти по двум обледенелым бревнам. Вниз лучше не смотреть — бездна, обязательно упадешь. Еще хуже моей напарнице, она близорука, идет всегда позади, не видит, куда ступать. Один мой неверный шаг — и мы летим на погибель. Попробовали бы французы исполнить такой смертельный танец! И вот я смотрю из окна и радуюсь, что им не приходится его исполнять. Пока не приходится. И почему-то меня особенно радует умная собака, как она терпеливо, по-домашнему ждет хозяина. Не то что псы, которые научены были стеречь людей и терзать их в клочья.

Эти и многие, подобные им, наблюдения и размышления она великолепно описала в своих заметках «Колыма — Париж».

Е. С. охотно рассказывала о своих европейских встречах, терпимо к людям, чуть подчеркивая юмористически невозможность подчас понять нам их, их — нам.

Последние месяцы были наполнены болью, тревогой, сменой отчаянья и надежды. Е. С. не была бы собой, если б не жаловалась. Она ждала сострадания от других, как сострадала сама. Иначе зачем друзья, зачем, вообще, люди, если не сострадать?

Ее неправдоподобная воля явила себя в другом. В методичности работы. В верности своим занятиям и привычкам — сквозь чудовищную боль, изнурительные облучения и растущий страх.

Только все короче становился отрезок дороги за прогулочный час. Потом он стал равняться нескольким шагам.

И все-таки она настала, эта минута, когда Е. С. осталась безучастной к принесенной книге. Замолчал и радиоприемник. Зловеще это было — видеть Е. С. отключенной от жизни. Но было бы ошибкой думать, что она не живет в это время со своей всегдашней отдачей.

Добросовестно, как делала все, она переживала, проживала смерть.

Ей сказала Мима:

— Евгения Семеновна, мы сейчас живем вами.

— А я живу смертью. Стоит вот здесь,— слабый жест к изголовью.— Прогоняю — не отходит. Я всегда чувствовала, когда она рядом. Потом оказывалось, шли в это время расстрелы.

— Но если чувство это было не раз, может, и теперь пронесет?

— Нет.— Вдумчиво: — Нет. Не отходит.

Говорила, что теперь она ближе к Алеше, своему старшему сыну,

который шестнадцати лет умер от голода в блокадном Ленинграде, пока она была на Колыме.

— Его голодные муки испытываю, первенца моего. По возрасту у нас всего девятнадцать лет разница. Понимал бы он меня хорошо. Каждую ночь у меня перед глазами. И то сказать, скоро свидимся.

Чтобы ее отвлечь, говоришь:

— А Вася, Евгения Семеновна?

— Вася здесь останется. Потому и хочу, чтоб он все время был рядом. Пусть сидит в кресле, читает, работает. Делает что хочет. Только бы рядом.

Тоню не допускала к себе:

— Не хочу, чтобы меня такой страшной запомнила. В ночных кошмарах еще буду ей являться. Нет, пусть останусь в ее памяти, какой была всегда.

Приехавшая из Ленинграда Тоня умоляла ее впустить. Е. С. говорила с ней через дверь и была непреклонна. Тогда Тоня позвонила по автомату. Умолила. Провела с матерью день.

Опасения Е. С. были напрасны. Она до конца была красива. Исстрадавшейся красотой.

Она упорно отвергала наркотики, превосходя даже свой образец — бишофа. Боялась что-то упустить из смертных переживаний, шла на жестокие страдания, собирая на этот раз сведения для Неведомого Свидетельства.

А какая-то часть этой совершенно незаурядной воли продолжала борьбу за жизнь. Е. С. строго по часам принимала лекарства, те несколько ложек пищи, которые могла проглотить. Следуя логическим увещеваниям, что в организм надо вводить витамины, согласилась на уколы. Вместо витаминов ей стали вводить обезболивающее. Очевидно следуя тому же инстинкту жизни, согласилась на чтение вслух. Казалось, в полузабытьи. Но потом в скупых фразах — берегла силы — она высказывала здравые и точные суждения о прочитанном.

Последняя книга, которую она слушала в своей жизни, была «Путешествие дилетантов» Б. Окуджавы...

И никогда не отключалась она от тревог о близких.

— Клара * сегодня не в своей тарелке. Я вижу. У них ничего не случилось?

— Что же Павочка ** так долго не уходит? Пускай идет. Ей ведь так далеко добираться,— говорила она, очнувшись от дремоты.

Одно время Е. С. стала очень неспокойна, жаловалась на свою раздражительность.

* К. И. Лозовская — многолетний секретарь К. И. Чуковского.

** Паулина Степановна Самойлова. С ранней юности начала свой путь по тюрьмам, ссылкам и лагерям (см, публикацию «Крутой маршрут» в журнале «Даугава», 1988, № 10).

— Что-то я все злюсь. Все препираюсь с Богом. Почему именно мне еще и это? Не могу чувствовать, как бишоф. Или как у Пастернака: «Себя и свой жребий подарком // Бесценным Твоим сознавать».

Училась умирать — до смертного часа училась.

Как поздно пришла догадка:

— Евгения Семеновна, может, священника позвать?

Мгновенно обернулась Мишка (Вильгельмина *):

— Женя, а правда?

Е. С. молчала, но было видно, испытывает облегчение, что поняли...

Священник пришел.

Е. С. была человеком ума. То, что она постигла разумом, приводило к Долгу. А там, где вступал в права Долг... там могло победить только сердце. Кажется, что в натуре Е. С. была довольно взрывчатая смесь страсти, разума и долга.

Книга ее «Крутой маршрут», которую писала она, ежедневно заново пропуская через свое сердце весь ужас лагерных дней, рассказывает о сотнях каторжных судеб. Она не дала кануть им в небытие — глухо и немо. Она выполнила свой священный Долг. Но отнюдь не думала, что исчерпала поставленную перед собой задачу.

«Крутой маршрут» адресован прежде всего тем, кто прислушивался по ночам к скрежету лифта, к шороху автомобильных шин, к звонкам в дверь по соседству, и, когда уводили кого-то из коммуналки, с лестничной площадки, со двора, из соседнего служебного кабинета, с невольным облегчением думал: «Пронесло. Не меня». Адресован их детям и внукам.

Тем, кто не видел, не знал, а может, из самосохранения предпочитал не знать, что же происходит дальше с исчезнувшими, по каким адовым законам живет огромная страна, отделенная не морями и горами, не пограничными зонами, а всего лишь колючей проволокой, и населенная десятками миллионов не чужеземцев, а своих, соотечественников.

По высказыванию А. Солженицына: «Колыме повезло — у нее оказались такие свидетели, как Шаламов и Гинзбург».

«Крутой маршрут» был опубликован за рубежом. Когда прошел первый шок и отхлынул неизжитый страх, Е. С. стала испытывать удовлетворение, что книга издана хотя бы в «тамиздате»,— значит, она не похоронена, не может быть упрятана навеки, рано или поздно воскреснет.

Книга начала свою независимую жизнь на многих языках мира.

* Вильгельмина Германовна Славутская — многолетняя узница ГУЛАГа; до ареста — работник Коминтерна.

Во многих странах стала бестселлером. В Швеции по ней был поставлен фильм.

Е. С. получила от кинофирмы фотографию исполнительницы главной роли. Большеглазое лицо понравилось:

— Странно только, что кто-то играет тебя самое. И какую картину могут снять шведы о нашей трагедии?.. Что могут иностранцы? Ужасаться, сострадать, осудить? В лучшем случае принять как предостережение... Нет, книга нужнее нашим.

Прошло четверть века. Евгения Гинзбург не дожила до перестройки. Ее книга «Крутой маршрут» дожила. И чудесным образом не постарела. Она приходит к своим читателям, на русском, она играет ту роль, которая была предназначена ей автором.

Она обжигает совесть: как же я мог не знать, как смел не знать то, что творилось рядом? И как сделать, чтобы такое не повторилось никогда, чтобы такому не было ни места, ни условий на родной земле?

Гонорар за эту публикацию автор перечисляет на строительство памятника жертвам сталинских репрессий (счет № 700454 Жилсоцбанка СССР).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 12 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: **6.** Малакология. **7.** Фанерование. **12.** Канифас. **16.** Полонез. **17.** Сарафанов. **18.** Такса. **19.** Сплав. **20.** Сумароков. **21.** Вихрь. **22.** Инжир. **23.** Калатозов. **24.** Устав. **25.** Галоп. **26.** Коробочка. **28.** Санитар. **29.** Автожир. **33.** Катализатор. **34.** Гастрономия.

По вертикали: **1.** Каракас. **2.** Рацея. **3.** Говор. **4.** Копал. **5.** Чириков. **8.** «Камаринская». **9.** Диссертация. **10.** Компенсатор. **11.** Серафимович. **13.** Сатуратор. **14.** Карамазов. **15.** Жаворонок. **16.** Поговорка. **26.** Каравай. **27.** Автоним. **30.** Нарты. **31.** Сироп. **32.** Фасон.

Советская площадь в 1920-х гг.
В центре площади — обелиск 1-й Советской Конституции.
Скульптор Н. Андреев, архитектор Д. Осипов. 1919 г.

Сдвиг был: он сломал все устои, сорвал он безжалостно старые вывески, глыбами нагромоздив их стремительно, бесповоротно, чтобы из хаоса этих развалин вновь выявить вывески, оповещающие о восстании новой жизни; так зелень весенняя после грозы выпирает: метаморфозы такой нет в Берлине; и — да: динамизм ему чужд; он — статичен; поэтому — рухнет он; жизнь меж берлинских домов,— это жизнь под лавиной, которая все же когда-то сорвется; а жизнь Москвы — таяние уже когда-то упавшей лавины, явление внешней жизни под ней; этим веянием бессознательно живы; и ходят — уверенно, бодро, самостоятельно, критикуя, оспаривая друг друга, не видя наглядно огромного достижения работы, здесь бывшей; и все ж испаряя уверенность в линии восходящей; не ходят — куда-то восходят в Москве; а берлинец совсем не восходит, не ходит,— нисходит; и нисхождение это (подумайте — миллионов), переполняет Берлин атмосферою царства теней и подземными, душными, ядовитыми газами.

И то же подметил я в сфере утонченных интересов культуры: какое обилье кружков! Так, едва я попал сюда, как со всех сторон слышу: «Сюда собираются молодые ученые заниматься лингвистикой...» «Там изучают проблемы культуры...» «Вот этот вот собирает огромнейший материал по истории гностицизма...» «А тот написал биографию философа Соловьева...» Очень много в Берлине писалось про НЭП; им пугали меня; о кружках, изучающих литературу, культуру, признаться, я что-то не слышал; о них в эмигрантской печати не пишут,— не потому ли, что русский — Берлин так убийственно беден; да, там собираются — играть в карты или просиживать вечера совершенно беспочвенно в мутных, душных кафе; там работа клеится в вялом, унылом, неврастеническом воздухе вялого города, обреченного медленно опускаться на дно.

Мое первое впечатление от Москвы — впечатление источника жизни; и первый глоток этой жизни есть радость себя ощущать не в унылом, чужом, упадающем городе, а в кипящей, творящей, немного нелепой и пестрой сумятице, чувствуя, что сумятица — творческая лаборатория будущих, может быть, в мире невиданных форм.